

П. В. КИРЕЕВСКИЙ И СОБРАННЫЕ ИМ ПЕСНИ

Статья Г. П. Париловой и А. Д. Соймонова

Посвящать свою жизнь собиранию
народных песен — прекрасный подвиг.

Н. Г. Чернышевский

Историками русской литературы и фольклористики осуществлена большая исследовательская работа, освещающая жизнь и деятельность многих выдающихся представителей литературного движения XIX в., внесших свой вклад в науку о народном творчестве. Двухтомный обобщающий труд проф. М. К. Азадовского по истории русской фольклористики и изучение советскими историографами отдельных этапов истории науки, в особенности ее прогрессивных традиций, явились важнейшим завоеванием в этой области. Однако не все стороны историко-литературного процесса, не все этапы в развитии фольклористики XIX в. и ее виднейшие представители получили достаточно полное освещение в научной литературе. Так, осталось недостаточно изученным богатейшее рукописное наследие выдающегося знатока и собирателя русских народных песен Петра Васильевича Киреевского. М. К. Азадовский, более других исследователей занимавшийся изучением наследия Киреевского и опубликовавший очень ценные для науки письма его к Н. М. Языкову, в последней своей работе, изданной в 1958 г., вынужден был признать, что «целый ряд вопросов биографии Киреевского нуждается в дальнейшей разработке»¹. При отсутствии научной биографии Киреевского и неудовлетворительности, а также тенденциозности описания его жизненного пути в дореволюционной литературе, выяснение указанных вопросов является первоочередной задачей, которую помогают решить обнаруженные архивные материалы.

Документы, использованные в настоящей работе, рассматриваются в хронологической последовательности. Для характеристики литературной среды, в которой рос и воспитывался Киреевский, привлекается переписка его матери с В. А. Жуковским. Жуковский и А. П. Киреевская были духовными наставниками будущего собирателя песен. Приведены новые документы из архива братьев Языковых. Они помогают выяснить обстоятельства, послужившие причиной того, что Собрание Киреевского не было издано при его жизни. В работе использована также неопубликованная переписка самого Киреевского, его родных и корреспондентов — собирателей фольклора. Здесь особенный интерес представляют письма В. И. Даля, М. А. Максимовича и некоторые другие. Все письма корреспондентов Киреевского мы не имеем возможности опубликовать в данной статье за неимением места.

Для изучения рукописного наследия Киреевского нами обследованы архивы Москвы, Ленинграда, Тулы, Калуги и Орла. Была совершена поездка по местам, связанным с жизнью и деятельностью Киреевского, что дало возможность уточнить ряд существенных вопросов его биографии.

Собранные материалы показывают литературные интересы Киреевского, его близкое общение с Пушкиным и другими писателями, принимавшими большое участие в записи народных песен. Это дает возможность шире осветить роль и значение песенного Собрания Киреевского в историко-литературном процессе.

1

Петр Васильевич Киреевский родился 11 февраля 1808 г. в с. Долбине Лихвинского уезда Калужской губ. Детство, отрочество и юность Киреевского протекали в годы исторических сдвигов и потрясений, которые были вызваны Отечественной войной 1812 г., подъемом национально-освободительного движения в России и славянских странах и восстанием декабристов. Эти события оказали большое влияние не только на историческое развитие страны и ее общественной мысли. Они определили судьбу многих культурных семей. К числу таких семей принадлежали Киреевские.

П. В. Киреевский уже с детства находился в центре происходивших событий и в кругу многих замечательных людей, оказавших самое благотворное воздействие на его развитие и последующую деятельность. Незаурядным человеком был и его отец Василий Иванович Киреевский (1773—1812). О нем сохранились интересные воспоминания и некоторые документы, частично появившиеся в печати, частично оставшиеся неопубликованными.

Отец Петра Васильевича был типичным представителем просвещенного дворянства начала прошлого века. Он получил хорошее образование, знал пять языков, пробовал заниматься литературной деятельностью, переводами, увлекался естественными науками: химией, медициной; лечил крестьян в своих деревнях. По характеру Василий Иванович был человеком своевольным и как богатый помещик, имевший свыше тысячи душ крепостных, мало считался с местным начальством, о чем сохранились рассказы и анекдоты в воспоминаниях современников.

В 1805 г. В. И. Киреевский женился на Авдотье Петровне Юшковой (1789—1877), ставшей матерью Петра Васильевича. А. П. Юшкова принадлежала также к одной из родовитых и культурных семей тульского дворянства. О Юшковых известен ряд документов, находящихся в Тульском областном архиве. Подробные сведения о них были собраны К. К. Зейдлицем и другими биографами Жуковского.

Пятнадцати лет Авдотья Петровна, лишившись отца, осталась на попечение бабушки — М. Г. Буниной, жены А. И. Бунина — отца Жуковского. Через год бабушка решила выдать 16-летнюю внучку замуж за В. И. Киреевского, который был вдвое старше своей будущей жены.

Супруги Киреевские прожили вместе недолго. События Отечественной войны 1812 г., развернувшиеся в непосредственной близости к их поместью, сделали В. И. Киреевского участником войны. В 1807 г. он вступает в ополчение, но вскоре возвращается домой в связи с заключением Тильзитского мира. В 1812 г., во время наступления наполеоновских армий на Москву, В. И. Киреевский перевозит свою семью из Долбина в орловское имение, а сам, по собственному почину и на свои средства, устраивает в Орле госпиталь для раненых. Здесь он заболевает тифом и вскоре умирает. Петр Киреевский осиротел, когда ему не было и пяти лет, но память об отце, его литературных занятиях, как и весь семейный уклад, сложившийся в Долбине, оказали на него известное влияние.

В 1814 г., прожив после смерти мужа некоторое время у тетки (Е. А. Протасовой), Киреевская с тремя детьми — Иваном, Петром и Марией вернулась в Долбино. Вместе с ней приехал туда и Жуковский, чтобы помочь Авдотье Петровне в управлении имениями и в воспитании детей. Долбино было типичным барским поместьем начала XIX в.: «огромный на высоком

П. В. КИРЕЕВСКИЙ

Литография с портрета
неизвестного художника,
1830-е годы

Центральный архив
литературы и искусства, Москва

фундаменте дом, с мраморной внутренней облицовкой стен, с множеством надворных строений, окруженных великолепным садом»².

О жизни в Долбине в годы детства и отрочества П. В. Киреевского известно по воспоминаниям современников, а также из «долбинских» стихов Жуковского. Для биографии Киреевского, как будущего собирателя фольклора, интересны некоторые страницы воспоминаний А. Петерсона. Здесь говорится о народных обычаях и играх, которыми увлекались в Долбине взрослые и дети.

В то время, вспоминает Петерсон, профессиональных сказочников и сказочниц, шутов и шутих (еще сохранившихся в соседнем имении Мишенском у М. Г. Буниной) в Долбине уже не было. Но все же оставались многие из народных увеселений, типичных для помещичьего быта того времени. Был там и гуслист. «Гуслист настраивал фортепианы и игрывал по святочным вечерам, на которые в барскую залу собирались наряженные из дворовых (кто петухом, простым или индейским, журавлем, медведем с поводырем балагурным, всадником на коне, бабой-ягой в ступе с пестом и помелом и пр.) <...> В летнее время двор барский оглашался хоровыми песнями, под которые многочисленная дворня девок, сенных девушек, кружевниц и швей водила хороводы и разные игры: в коршуны, горелки, „заплетися, плетень, заплетися, ты завейся, труба золотая“, или „а мы про-со сеяли“, „я поеду во Китай-город гуляти, привезу ли молодой жене по-купку“ и др.; а нянюшки, мамушки, сидя на крыльце, любовались и внушали чинность и приличие. В известные праздники все бабы и дворовые собирались на игрища то на лугу, то в роще крестить кукушек, завивать венки, пускать их на воду и пр.»³

Представляет несомненный интерес факт, что у местного населения сохранились до наших дней воспоминания о народных праздниках в Долбине. Во время поездки туда, летом 1959 г., нам показали рощу и луг, где при Киреевских проводились народные гуляния, а теперь устраиваются праздники песен весной и после сбора урожая. Услышанные нами легенды и предания дополняют воспоминания Петерсона. В них говорится о том, что Киреевские выписывали цыган из Бессарабии, собирали крестьян с окрестных деревень и устраивали песенные состязания на долбинском лугу. Сохранились предания о знаменитых исполнительницах песен: о крепостной девушке Ольшанке, о цыганке, заточенной в подвале долбинского дома, и др.

Все это свидетельствует о богатейшей народно-поэтической традиции, которую в свое время, несомненно, поддерживали Киреевские, что также не прошло бесследно для воспитания и духовного развития будущего знатока и собирателя русских народных песен.

Таким образом, среда, окружавшая Киреевского в годы его детства, отрочества и юности, в известном отношении была типичной для сельского помещичьего быта того времени, когда культура наиболее просвещенного и передового дворянства находила определенные точки соприкосновения с народной культурой, обогащавшей ее. Не случайно, что именно в этой среде и в этих местах, в Долбине и Мишенском, зародилась и расцвела поэзия Жуковского, одного из первых русских поэтов XIX в., указавших на народное творчество как на богатейший источник национальной культуры.

В существующих биографиях Жуковского далеко не полно и недостаточно показано его близкое знакомство и литературное общение с сестрами Юшковыми и в особенности с Авдотьей Петровной. Известно, что А. П. Киреевская была деятельным помощником Жуковского и ценителем его поэзии. Однако многие материалы, раскрывающие эти стороны их взаимоотношений, остались не опубликованными, а что касается фольклорных занятий — не изученными. В то же время личные и литературные связи Киреевской и Жуковского имели очень большое значение для воспитания ее детей, формирования личности и мировоззрения Петра Киреевского.

Рано лишившись отца, П. В. Киреевский остался целиком на попечении матери, которая при участии Жуковского следила за его воспитанием. Через Жуковского и Авдотью Петровну братья Киреевские впервые общаются к литературной жизни, воспринимают идеи равного русского романтизма, оказавшие впоследствии несомненное влияние на развитие их литературных интересов.

Авторитет матери, широко образованной, талантливой женщины, оставался для Петра Киреевского непоколебимым в течение всей его жизни, тем более что он подкреплялся авторитетом Жуковского, литературного наставника братьев Киреевских.

В этой связи считаем необходимым остановиться на неопубликованных материалах — письмах А. П. Киреевской-Елагиной к Жуковскому, имеющих большое историко-литературное значение. Здесь и ниже приводим лишь некоторые выдержки из них, характеризующие близость Жуковского к семье Киреевских, его участие в воспитании детей, а также литературные и фольклорные связи.

22 апреля <1813 г.> Авдотья Петровна в шутовском тоне обращается к Жуковскому:

«Dolbino — c'est le nom de la campagne que j'habite et que j'ai l'honneur de recommander au très cher cousin, dont la mémoire me parait en effet un peu sujette à caution. Je crois que j'ai eu le bonheur de vous entendre nommer plus de 20 fois Dolbino par son véritable nom qui lui a été donné depuis une

votre amie charmante, vos vertus, et qu'il remplisse votre cœur de tout le bonheur de son amour. — Abandon! et foi! — et aimons sans mesure! à Dieu! *»⁷

Ожидая возвращения Жуковского в Долбино, Киреевская писала 23 ноября 1815 г.:

«Милый брат! Милый друг! Бесценное письмо ваше оживило меня, хотя в нем нет ничего *оживительного*, те же желания не того, что у нас есть, та же непривязанность к настоящему, та же пустота, скука, которые до вашей милой души не должны бы сметь дотронуться, — но этот почерк, этот голос дружбы, который слышен и в скуке, и в пустоте, и в шуме, и возможность счастья невольно воскресла! Авось! милый Жуковский! ведь это слово не ветреной надежды, а спокойного доверия! Доверенности к доброму промыслу, к сердцу друзей, к святыне недосягаемой! Бросьте все, милый брат! приезжайте сюда, ваше место здесь свято! Готовить нечего, оно всегда первое! Ваши рощи, ваша милая Поэзия, ваша прелестная свобода, тишина, вдохновение и верные сердца ваших друзей, здесь все цело, все живет, все *вечно*! Что это за *состояние*, для которого вам надобно служить? Что это значит: *чем жить*? Это и глупо и обидно! Забыли вы, что я хотела все свое продать, бросить, чтобы с вами в 14 году ехать в Швейцарию? Разве вы не знаете, что у нас, слава богу, есть чем жить, и больше нежели для *жизни* надобно, что и тогда бы было, когда б я сама для жизни своими руками работала, и тогда бы вы могли жить со всеми прихотями, каких бы вам угодно было! А когда бы вы здесь были с нами, я была бы вашим богатством богата; милый, милый друг, неужели мне сказывать вам, что такое для меня любить вас?..»⁸

Дополнительный материал к этим письмам можно найти в переписке Жуковского, опубликованной в «Уткинском сборнике»⁹. Но не все из его писем сохранились, и поэтому многое, в частности упомянутая выше несостоявшаяся поездка в Швейцарию, является совершенно новыми данными для биографии поэта.

Киреевская была Жуковскому верным другом, разделявшим его поэтические замыслы. Это видно из следующего письма, начало которого посвящено получению ею известного портрета Жуковского работы О. А. Кипренского:

10 июля <1815 г.> Долбино.

«Ванюша заплакал от радости, получа ваш милый портрет, да, признаюсь, поплакала над ним и я. Сначала от радости, а потом и не от радости. Когда же эта милая рожица будет выражать счастье! С тех пор как я его получила, мне очень грустно, и от этого сходства, от задумчивого этого взгляда, и от доброй, выражающей всю прелестную душу вашу, но несносно горестной улыбки, и от вашего письма. Милый друг! Когда ж глупые мысли перестанут гнездиться в душе вашей? Я очень вижу, каким манером завел их туда „Владимир“ со всеми своими дурацкими предсказаниями; как все окружающее вас усиливает их то надеждами, то обманами и как вы, по свойст-

* Но чистилище по крайней мере оставляет надежду на рай, если вы говорите мне о вашем счастье — вот я и в Елисейских полях. Впрочем, это, чтобы обмануть самое себя, я принимаю свое волнение за предчувствие счастья, дорогой друг, я ни на что не надеюсь! Ни коронованные особы, ни дружеские сердца, ни уговоры разума не могут ничего в делах совести! Вы сами не захотите счастья, которое будет стоить ей покоя и которое уже поэтому не будет благом ни для кого из вас. Признаться откровенно, я даже недовольна этими новыми усилиями, этими новыми надеждами, которые только измучили ваше сердце — сколько раз еще надо будет отказываться, отчаиваться и опять довольствоваться простой и прекрасной добродетелью, а потом снова бросаться очертя голову во все бури взбаламученного моря, благодатные волны которого помимо вашей воли выносят вас на берег? Простите, мой дорогой друг, да сохранит нам бог то, что мы имеем, сохранит вам вашу милую подругу, ваши добродетели и наполнит ваше сердце всем счастьем ее любви. Отдадимся течению! и будем верить! И любить без меры! С богом! (франц.).

венной нам общей рассудительности, принимаете все за *предчувствие* и за пророчества. Помните, как вы писали „Послание к царю“? Как уверены были, что не удастся его кончить? Помните ли Эльвину и Эдвина? Каким она нас страхом поразила? Вас как изобретателя, а меня за вами. Как мы не смели сообщить друг другу своей боязни и как долго уже спустя посмеялись над тем страхом, который из доброй воли *насочинили* себе сами? Помните ли Валленштейна? Помните Шиллерову историю о 30-летней войне и как суд неба, произнесенный над Густавом Адольфом, порастил вас? Милый друг! сколько раз мы делали себе химеры счастья и несчастья; сколько раз плакали и радовались над мечтами нашего воображения, а счастье и несчастье и будущее со своими мечтами приходили, совсем не спрашиваясь с нашими ожиданиями, и заменяли их новыми горестями и новыми бреднями. Вам много еще осталось в жизни, Владимир не один должен оставить след этой милой жизни...»¹⁰

Письмо в основном посвящено замыслу Жуковского написать «Вадима» (Владимира), о котором сам Жуковский, очевидно, неоднократно сообщал Киреевской, как видно из материалов «Уткинского сборника». Но оно интересно воспоминанием о работе поэта над предшествующими произведениями. Письмо указывает также и на роль Авдотьи Петровны в жизни Жуковского.

Киреевская вполне разделяла поэтическое кредо Жуковского и ранних русских романтиков. В ее письмах неоднократно цитируются стихи Жуковского и дается их разбор с этих позиций. Она резко осуждает и критикует сторонников классицизма, иронизирует по поводу стихов А. Ф. Мерзлякова и приветствует друзей Жуковского, подробно расспрашивая о них. «Что Батюшков? — пишет она в одном из писем. — Не можете ли вы прислать, что есть новое, неизвестное. Рад ли он вам и кто вам больше всего рад? И кому вы больше рады?»

Имя Батюшкова постоянно встречается в ее письмах этого периода, и его поэзию она всегда одобряет. Есть ряд писем, содержащих сведения о поэтических замыслах Жуковского. Вот, например, одно из более поздних писем, касающееся замысла «Ундины»:

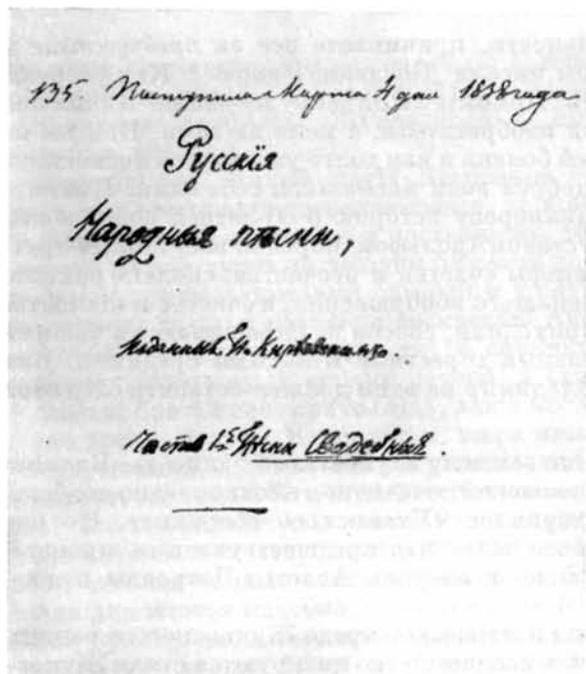
<26 июля 1819 г.>

«... Что ваша русская Ундина? Жаль, если вы эту мысль бросили. Саша говорила мне о плане трагедии: что же? Но я трагедии буду бояться, пока ничто сильно не действует на вас, вышедши прямо из грамматики, нельзя броситься в деятельные и сильные стихи. Творить одним умом и воображением вы, конечно, привыкнуть не можете, ваш каждый стих *вы сами*, потому-то они и не терпят критики. Напишите пока Ундину или что-нибудь такое же, где много неопределенного, тайного, неизвестного, горестного, мечтательного, похожего вместе и на душу и на жизнь...»¹¹

Трудно более выразительно передать характер поэзии Жуковского того времени. Здесь отчетливо выражены эстетические нормы русского романтизма, столь близкие кругу и семье, в которой рос Петр Киреевский.

Чрезвычайно важным является то обстоятельство, что в 1816 г. Жуковский предлагает Авдотье Петровне и ее сестре Анне Петровне (впоследствии Зонтаг, известной детской писательнице), которая жила с ней в Долбине, заняться собиранием фольклора и, в частности, сказок. Интерес к фольклору, и в особенности к преданиям и сказкам, составлял один из важнейших элементов поэтики романтизма. Приводим здесь письмо Жуковского из Дерпта, датированное предположительно зимой 1816/17 г.:

«Я давно придумал для вас всех работу, которая может быть для меня со временем полезна. Не можете ли вы собирать для меня русские сказки и русские предания: это значит заставлять себе рассказывать деревенских

СБОРНИК ПЕСЕН,
ПОДГОТОВЛЕННЫЙ
П. В. КИРЕЕВСКИМ К ПЕЧАТИ
(первая «Зеленая тетрадь»), 1838
Титульный лист цензурного
экземпляра—автограф Киреевского
Библиотека СССР им. В. И. Ленина,
Москва

Сборник в свет не вышел

наших рассказчиков и записывать их рассказы. Не смейтесь. Это национальная поэзия, которая у нас пропадает, потому что никто не обращает на нее внимания: в сказках заключаются народные мнения; суеверные предания дают понятия о нравах их и степени просвещения и о старине. Я бы желал, чтобы вы, Анета, Дуняша и Катю завели каждая по две белых книги, в одну записывать сказки (и, сколько можно, теми словами, какими они будут рассказаны), а в другую всякую всячину: суеверия, предания и тому подобное. Работа и не трудна и не скучна. Писать не нужно с старанием; записывать просто содержание. Все это привести со временем в порядок мое дело. Как вы думаете?..»¹²

Так впервые под влиянием Жуковского Киреевская и сестры Юшковы втягиваются в соби́рание фольклора. Отметим, что задуманное предприятие по соби́ранию сказок не окончилось на этом. Из последующей переписки Жуковского с Авдотьей Петровной и ее сестрой известно, что они собирались издавать антологию народных сказок. Часть рукописи, подготовленная ими, сохранилась в ИРЛИ. Впоследствии записи народных сказок имелись и в Собрании Киреевского, откуда были переданы А. Н. Афанасьеву, который использовал их в своем знаменитом издании «Народных русских сказок». Таким образом, цитируемое выше письмо приводит нас к истокам русской фольклористики XIX в.

В заключение необходимо сказать об участии поэта в воспитании и образовании детей Авдотьи Петровны. В переписке они называют их «наши дети». В одном из писем Жуковский беспокоится: «Ведь для наших ребятшек нужен учитель»¹³. Уже будучи во втором браке — за А. А. Елагиним, Авдотья Петровна, опасаясь за благополучный исход родов, обращается к Жуковскому:

«Смерть, может быть, передумывает мои милые мечтания! — Брат, я так нездорова, что мне ее не мудрено ждать. Смотрите же, не забудьте тогда детей моих! Ежели я после родин не выздоровлю, то, прошу вас, займитесь тотчас моими большими мальчишками. Они оба славные ребята, и ум

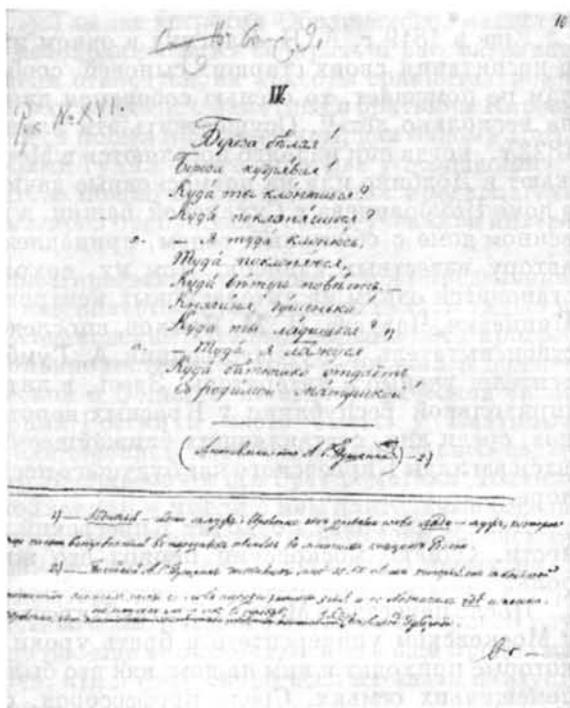
и характер прекрасные, но необходимо нужен им теперь пример и поощрение»¹⁴.

«Большие мальчишки» это — Иван и Петр Киреевские. Жуковский действительно очень заботился об их воспитании. Из его писем, опубликованных в «Уткинском сборнике», видно, как он подыскивал им воспитателей, обдумывал вместе с матерью планы их занятий. А Жуковский, как известно, был опытный наставник, и, несомненно, благодаря ему и матери, Петр Киреевский получил прекрасное образование и знал семь языков.

О домашнем образовании Киреевских дает представление листок с заданием на три месяца, сохранившийся в дневнике Маши Киреевской, младшей сестры Ивана и Петра. Запись на этом листке относится к 1820-м годам, но она, конечно, характеризует систему и метод обучения не одной только Маши; источники, по которым М. В. Киреевская изучала основы наук, несомненно, были знакомы и ее старшим братьям. Обращает на себя внимание объем задания и круг чтения пятнадцатилетней девочки.

«Франц.: Перевести Сократа, грамматику и прочесть трагедию Вольтера. Немец.: Грамматика, прочесть 1 том истории Нидерландов, перевести Ундину. Англ.: Прочесть Лалла Рук. Русск.: перевести Фенелона *Educ des Fillis*, выучить 100 стр. стихов, всякий день по 3 страницы. Прочесть 5 томов Карамзина хорошенько и 4 тома Сисмонди. Кроме других пьес, выучить концерт Риса наизусть.

Франц. 1 раз в неделю в понедельник по 6 стр. пер(еводить) от 11 до 1. Немецк. 3 раза в неделю, вторник, четверг, суббота. Каждый раз 10 стр. перевести и 25 прочесть, утро до 1 (часа). Англ. 1 раз в понедельник вечером. Русск. 2 раза в неделю: среда, пятница по 15 стр. за раз; каждый раз по 9 стр. стихов. — 3 раза в неделю читать Карамзина от 5 до 7 после обеда. 2 раза в неделю Сисмонди от 9 до 11»¹⁵. Этот документ, свидетельствующий, каким было домашнее образование молодой дворянской интеллигенции, мы вправе считать относящимся и к Петру Киреевскому.

СБОРНИК ПЕСЕН,
ПОДГОТОВЛЕННЫЙ
П. В. КИРЕЕВСКИМ К ПЕЧАТИ
(первая «Зеленая тетрадь»), 1838

Песня «Береза белая!»

Помета: «Доставлена от А. С. Пушкина» и примечания — рукой Киреевского

Библиотека СССР им. В. И. Ленина,
Москва

В 1817 г. Авдотья Петровна выходит замуж за А. А. Елагина, который внес свою долю в воспитание и формирование мировоззрения Киреевских. Елагин был участником Отечественной войны 1812 г., которую он закончил, находясь в рядах русских войск во Франции. Он принадлежал к дворянской интеллигенции, увлекавшейся философией, в особенности немецкой — Кантом и Шеллингом, — и стал известен в литературе как переводчик «Писем о воспитании» Шеллинга. С появлением Елагина в семье Киреевских идеи немецкого романтизма, как и занятия философией вообще, становятся важнейшим элементом в их воспитании. Известно, что под руководством отца братья Киреевские начинают заниматься философией и политической экономией, причем среди первых книг, прочитанных ими, были произведения Локка и Гельвеция.

Через Елагина Петр Киреевский и его брат знакомятся с представителями передовой русской интеллигенции той эпохи. Близким другом Елагина был декабрист Г. С. Батеньков. Об отношении самого Елагина к декабристскому движению пока ничего не известно, но вся семья Киреевских — Елагиных имела довольно широкие знакомства среди декабристов и принимала горячее участие в их судьбе¹⁶.

Приведенные выше материалы дают представление о той среде, в которой прошли детские и юношеские годы Петра Киреевского. Он вырос в семье, которая оказалась в центре общественной и литературной жизни своего времени.

Ранний русский романтизм с его широкими литературными связями с общеевропейской культурой и национально-освободительные идеи, порожденные Отечественной войной 1812 г., явились благодатной почвой, взрастившей будущего знатока, ценителя и собирателя русского фольклора. Впоследствии в Москве, куда переезжает на постоянное жительство семья Киреевских — Елагиных, Петр Киреевский вступает на литературное поприще, стремясь воплотить эти идеи в своей деятельности.

* * *

Еще в 1819 г. А. П. Елагина в одном из писем к Жуковскому, говоря о воспитании своих старших сыновей, сообщала: «Если ничто нашим планам не помешает, то осенью соберемся для них в Москву и, может быть, на несколько лет»¹⁷. Осуществить эти планы Елагиным удается только к 1822 г., когда они надолго поселяются в Москве, откуда лишь на лето выезжают в Долбино или на подмосковные дачи. В Москве они сначала живут в доме Померанцева у Сухаревой башни, а затем у Красных ворот в собственном доме с обширным садом, принадлежавшем ранее Д. Б. Мертваго, автору известных записок. Дом их, сохранившийся до нашего времени, становится одним из литературных центров Москвы, где бывают Пушкин, Мицкевич, Чаадаев, Н. М. Языков, впоследствии Герцен, знаменитый естествоиспытатель и путешественник А. Гумбольдт и многие общественные деятели, ученые и литераторы. Здесь, в литературном салоне Елагиных, в «привольной республике у Красных ворот», как называл его Н. М. Языков, среди лиц, составлявших ближайшее окружение Пушкина, формируются взгляды Киреевского как будущего исследователя и собирателя фольклора.

Далеко не сразу подходит Киреевский к фольклористической деятельности. Однако московский период его жизни сыграл в этом большую роль.

После переезда в Москву братья Киреевские начинают посещать лекции в Московском университете и брать уроки у профессоров университета, которые приходят к ним на дом, как это было принято в то время в богатых помещичьих семьях. Среди профессоров, обучавших Киреевских, были:

математик Ф. И. Чумаков, видный ученый и юрист Л. А. Цветаев, известный поэт А. Ф. Мерзляков и И. М. Снегирев — фольклорист, составитель сборников пословиц, автор книг о простонародных праздниках, суевериях, лубочных картинках.

Для будущей деятельности Киреевского особое значение имели его занятия у Мерзлякова и Снегирева. К Мерзлякову, как к поэту и теоретику русского классицизма, в кругу Елагиных относились отрицательно, не упуская случая высказать критические замечания по его адресу. Елагина в одном из писем к Жуковскому писала: «Не могу утерпеть, чтобы не сказать вам Мерзлякова чудесного <нрзбр.>, который вам покажет, как можно самую поэтическую прекрасную мысль перевернуть в Полиши-неля.

Смотри на пышное Востока украшеньё
И жизнью веселись,
Когда же страждешь ты и нужно утешеньё,
На Запад обернись.

Лучше бы просто: перевернись цук, цук, цук, цук...»¹⁸.

Таких замечаний по поводу стихов Мерзлякова можно найти немало в переписке Елагиных. Однако нельзя не отметить, что Мерзляков был одним из тех классиков, которые уделяли большое внимание фольклору. В 1822 г. вышла в свет его работа «Краткое напутствование теории изящной словесности», которая, вероятно, служила пособием в занятиях с Киреевским и где видное место отводилось «народным мнениям», т. е. эстетическим воззрениям народа и их значению для литературы.

Не проходят бесследно для развития фольклорных интересов Киреевского и его занятия со Снегиревым, ставшим впоследствии участником Собрании песен Киреевского и цензором его первого сборника, подготовленного к печати, но не вышедшего в свет. Из дневника Снегирева известно, что в годы, когда он бывал у Киреевских, его очень занимала мысль о соби- рании русских народных песен. Так, 13 января 1824 г. Снегирев записывает: «Поутру ездил к Погодину <...> Там же встретил Оболенского, магистрат; говорили о песнях русских, о необходимости их собирать и рассматривать их содержание, к какому времени относятся, их красоты сравнительно»¹⁹. В том же дневнике мы находим ряд записей о занятиях с братьями Киреевскими. 12 мая 1823 г.: «После обеда пошел к Киреевским, дал одному Петру Васильевичу урок, потом с обоими гулял, был в подворье у всенощной»²⁰. Такого рода записей несколько, и можно не без основания предполагать, что во время занятий и бесед Снегирев пробуждал у своих учеников интерес к народной поэзии.

О том, что в эти годы у Петра Киреевского складываются определенные воззрения на фольклористику как область науки, можно судить также по его занятиям с З. Я. Доленга-Ходаковским. Это был выдающийся прогрессивный деятель славянской фольклористики. В 1823 г. он жил в Москве, возвратившись из археологической и фольклорно-этнографической экспедиции по ряду северных губерний России, и часто бывал у Елагиных. В дневнике Снегирева и неопубликованной переписке Киреевского содержатся указания на то, что Петр Васильевич и его брат помогали Доленга-Ходаковскому в разборе его коллекции и имели с ним длительные беседы. В одном из писем к отчиму Петр Киреевский в шуточном тоне сообщает о своих занятиях с Доленга-Ходаковским: «Я же, по несчастию моему, нахожусь теперь под ужасным слудом городищ, которые мучают меня с утра до вечера, и, несмотря на отсутствие политического эконома и верного слушателя Ходаковского, городища нас еще не оставляют и все еще продолжают частые свои визиты. Я уверен, что я буду скоро всех их знать наизусть не хуже самого Ходаковского»²¹.

А. П. КИРЕЕВСКАЯ
(по второму браку ЕЛАГИНА)

Миниатора неизвестного
художника, 1812

Местонахождение оригинала
неизвестно.

Воспроизводится с репродукции
в книге: «Уткинский сборник». М.
1904

Материалы о городищах составляли результаты последней экспедиции Доленга-Ходаковского. «Политический эконо́м», упомянутый в письме, вероятно, брат Петра — Иван, который увлекался в эти годы политической экономией и так же, как и Петр, много занимался с Доленга-Ходаковским.

К середине 1820-х годов Петр Киреевский, завершая свое образование у профессоров Московского университета, получает определенную подготовку и в области фольклора. Отметим, что эта подготовка не преследовала, однако, специальных целей: она носила общефилологический характер, а вопросы фольклора могли интересовать Киреевского в плане развития русской национальной литературы. Именно с этой точки зрения подходили к изучению фольклора в первой половине XIX в., когда фольклористика не имела еще четких и определенных границ. Вместе с тем понимание значения фольклора в связи с постановкой проблемы народности литературы было тогда поднято на принципиальную высоту.

Н. П. Колюпанов в известной биографии А. И. Кошелева, учившегося вместе с братьями Киреевскими, отметил, что интерес к народной песне у Петра Киреевского возник под влиянием В. К. Кюхельбекера, его известной статьи «О направлении нашей поэзии, особенно лирической в последнее десятилетие»²².

Мы не располагаем материалами, подтверждающими эти слова Колюпанова, но в том, что Киреевский знал указанную статью, явившуюся литературным событием того времени, не может быть сомнения. А слова Кюхельбекера о народных песнях как об одном из источников отечественной словесности, конечно, привлекли внимание Петра Киреевского. В своей статье Кюхельбекер писал также: «Будем благодарны Жуковскому, что он освободил нас из-под ига французской словесности <...>, но не позволим ни ему, ни кому другому, если бы он владел и вдесятеро большим перед ним дарованием, наложить на нас оковы немецкого или английского владычества! — Всего лучше иметь поэзию народную»²³.

Высокая оценка Жуковского, который так был чтим в семье Киреевского, и мысль о народности поэзии в этой статье, безусловно, импонировали Киреевскому. Однако в понимании фольклора он отошел от поэзии Жуковского, от идей раннего русского романтизма к Пушкину, с которым он

впервые знакомится в Москве в 1826 году. Вскоре Пушкин и Киреевский сближаются на почве изучения русской песни. Но, как увидим ниже, взгляды декабристов на фольклор были усвоены Киреевским так же, как и романтическое понимание народной поэзии.

В самом начале литературной деятельности, еще юношей, Киреевский, очевидно, под влиянием матери, прекрасной переводчицы, занялся также переводами. Одними из ранних его переводов, появившихся в печати, были «Вампир» Байрона, «Трудно стеречь дом о двух дверях» Кальдерона, и, наконец, он занялся переводами Шекспира²⁴, что было характерно для развития его литературных интересов.

Еще с юношеских лет для Киреевского была совершенно неприемлема так называемая псевдонародность, свойственная эпигонам русского классицизма. Киреевский был совершенно чужд такого рода понимания народности. Он хорошо знал народную поэзию, ее образную систему и любил шутить и иронизировать над ее литературной интерпретацией. Это можно видеть уже в его самых ранних письмах, написанных, как правило, в шутовском тоне и характерных для будущего знатока фольклора. В качестве примера приводим два письма Киреевского к сестре Марии и брату Ивану, в которых он пародирует богатырскую поэму и сказку.

17 мая <1823 г.> четверг.

«Милая Маша!

Пишу к тебе сегодня для того, чтобы в субботу опять не отговариваться словом: некогда; к тому же надобно сдержать слово и написать письмо шпанское, т. е. крупное.

Шпанские письма разделяются на две части: первая часть состоит из вступления, а вступление гласит тако: мы, слава богу, здоровы и вам кланяемся; вторая часть воспевает великие подвиги знаменитых витязей.

Часть 1

Мы, слава богу, здоровы и вам кланяемся.

Часть 2

Эпиграф.

Смутно в воздухе,
Суетно в ухе.

Тредьяковский. Часть 187, стр. 1794.

Что является взорам моим? Какой внезапный гром произвел в моем слухе суету великую?!.. То шаги богатыря могучего; они раздаются по чертогам долбинским подобно грому, катящемуся по заоблачным горам. Он идет как столп вихря, несущийся через поля, очи его сверкают, как огонь в закуренной трубке, стройный стан подобен чубуку черешневому; раздувшиеся ноздри его испускают звук, подобный отдаленному водопаду. Он остановился... узнаю тебя, могучий!.. то Борис Премудрый, славный богатырь долбинский.

Но что знаменует его пришествие? Десница его разверзла двери, он очутился среди стен небесного цвета и стал перед витязем в белой одежде, сидящим на белоснежном троне и клубами испускающим дым из своей крюкообразной трубки. Загремел глас Бориса Премудрого — Лошадь оседлана! — и воспрянул витязь в белой одежде. — Они идут... идут... и вышли из чертогов,

Кто на статном соловом коне,
Грозный хлыст держа в одной руке,
А в другой узду ременную,
Едет по лесу кудрявому?
То могучий богатырь Дон Петрухо...»²⁵

Все письмо выдержано в таком тоне. Оно было послано из Долбина, куда на лето уезжал обычно Елагин, бравший с собой одного из пасынков, чтобы обучать их ведению хозяйства. Второе такое же шуточное письмо послано из Москвы к брату Ивану, имевшему в то время прозвище «Юсупов политический» и жившему это лето в Долбине. Датируется оно на основе одного из писем Елагиной, которая просила Жуковского выслать упомянутую в письме историю Робертсона из Петербурга, поскольку ее не удалось найти в Москве:

⟨Москва. Июль 1824 г.⟩

«О Юсупов политический! Вот какое происшествие у нас подпритчилось: ты пишешь: Купите, дескать, мне Историйцу Робертсонца. А маменька говорит: И подлинно что купить приходит⟨ся⟩. А я говорю: Видно что так! — А ты говоришь: да купите-де у Урбена, мне-де мерещится, аль не у него есть такие аглицкие книжицы! — А я-то говорю: Ну, ну, хорошо; куплю, батюшка, куплю. Ну, только... потом... после того, ну вот видишь... Вот как я сказал это. Ну, думаю, что делать? Ведь приходит, что покупать!

Ну вот, и пошел я наконец за тридевять земель в тридешатое царство. Шел, шел и вот пришел наконец на один необитаемый остров. За морем-за океаном стоит там избушка на курьих ножках; и в той избушке живет колдун и чернокнижник; и тот чернокнижник прозывается Урбеном. Ну... вот и вошел я к этому Урбену. — Ну, говорю, батюшка, милосердный чернокнижник, есть-де у тебя такая какая историйца, которая была бы написана на языке аглицком и называлась бы та книжица Робертсоном?

Ну нет, сударь! не тут-то было!»²⁶

В этом письме речь идет, очевидно, о книге Вильяма Робертсона «History of America» (London, 1777), судя по тому, что именно эта книга упоминается в других письмах Елагиных того времени, и о владельце книжного магазина в Москве Урбене. Так в письмах Петра Киреевского своеобразно пародировались фольклорно-литературные традиции. Литературные шутки в форме писем, как и просто рассказывание сказок, практиковались в семье Елагиных.

К середине 1820-х годов круг знакомых П. В. Киреевского значительно расширяется. Этому способствует более тесное общение обоих братьев с литературной молодежью и возникновение салона Елагиных, сыгравшего большую роль в общественной и литературной жизни Москвы.

История салона Елагиных достаточно освещена в литературоведении, и поэтому нет надобности на ней останавливаться. Здесь читались произведения, запрещенные цензурой, бывали участники декабристского движения и опальный поэт Адам Мицкевич.

Приведем некоторые новые материалы, относящиеся к знакомству Елагиных с Мицкевичем, не прошедшему бесследно для духовного развития Киреевского.

Мицкевич, живя во второй половине 1820-х годов в Москве, довольно близко сходитя с братьями Киреевскими. Знакомство это продолжается и за границей, когда поэт живет в Италии, а Киреевские в Мюнхене, как видно из их опубликованной переписки. Находясь в России, Мицкевич, как известно, не скрывал своих взглядов и убеждений в близком для него кругу, к которому мы можем отнести и Елагиных. Оба брата принимают горячее участие в проводах Мицкевича, на поднесенном ему золотом кубке значатся и их имена. Впоследствии в одном из писем к брату Ивану Петр Киреевский писал: «Силу живого слова я видел в полном величии при провожании Мицкевича...»²⁷ Когда Мицкевич уезжал в Петербург, Елагина

дала ему письмо к Жуковскому. В этом письме, также неопубликованном и представляющем несомненный интерес для биографии польского поэта, она писала:

⟨30 ноября 1827 г.⟩

«Г. Мицкевич отдаст вам мой фонарь*, бесценный друг. Вам не мудрено покажется, что первый поэт Польши хочет покороче узнать Жуковского, а мне весело, что он отвезет вам *весть о родине* с воспоминанием об вашей сестре. Вы непременно полюбите это привлекательное создание; хоть его *гидра воспоминаний* ближе к земному существу растерзанного сердца, нежели ваша *небесная сладость прошедшего*, но вас непременно соединит то, что у вас есть общего: возвышенная простота души поэтической»²⁸.

Надо отдать должное Елагиной за ее меткое сравнение поэзии Мицкевича и Жуковского и за то, что она уже в то время называет Мицкевича «первым поэтом Польши». Это говорит о глубоком понимании поэзии Мицкевича в кругу его московских друзей. Как известно, П. В. Киреевский был первым переводчиком послания Мицкевича «Русским друзьям».

В заключение обзора материалов биографии Киреевского, относящихся к московскому периоду его жизни, обратимся еще к одному документу, который в свое время готовил к печати, но не успел опубликовать М. О. Гершензон. Это «Ежедневные записки», или дневник, М. В. Киреевской²⁹. Дневник велся с 1825 г., когда Киреевской было 15 лет. И хотя она не была еще участницей литературных собраний у Елагиных, все же в ее «Записках» встречаются факты и имена, упоминавшиеся выше, а также зарисовки жизни семьи. С этой точки зрения приведенные нами выдержки из дневника очень интересны:

1825 год. *Генваря 4.* ⟨...⟩ Я заметила, что мне надобно стараться убежать шутки, потому что сегодня за обедом Батеньков у меня спрашивал, какой я нации, и я отвечала в шутку — никакой, он принял это за серьезное и подумал, что я не знаю, какой я нации.

1826 год. *17 марта.* ⟨...⟩ У нас сегодня обедал Одоевский, он прекрасно играет на фортепиано и кажется довольно любезным. Мне он очень жалок. У него мнение очень расстроено, а старый и богатый его дядя ничего ему не дает.

22 марта. ⟨...⟩ В вечеру ⟨...⟩ пришли Яниш и Соболевский.

27 марта. ⟨...⟩ В 7 часов пришел Максимович и приехали Арбеневы П. А. и А. П. ⟨...⟩ Во весь вечер у нас был один Максимович.

28 марта. В 7 часов Петенька и Ванюша уехали к Полевому. К нам приехали Яниш и Гагарина ⟨...⟩ говорили об истории, которую до смерти бы хотелось, чтобы поскорее кончили, то есть всех освободили и простили.

⟨Здесь, несомненно, идет речь о декабристах, судьба которых волновала и заботила всю семью Киреевских — Елагиных.⟩

5 апреля. ⟨...⟩ Вечером были Яниши.

4 мая. ⟨...⟩ Часу в восьмом вечера приехал Ляпунов с женой, я сидела до конца и долго вслушивалась в ее разговор с маменькой, всё говорили о нарядах. Таков почти всегда дамский разговор, и у меня нету другого. Надо больше учиться.

Потом приехали Норов и Титов. Норов читал свое сочинение «Очарованный узник», мне оно очень понравилось.

1827 год. *1 генваря.* ⟨...⟩ До 9 часов вечера играла на фортепиано. Остальной вечер сидела у маменьки; у нас были Погодин и Яниш.

* Письмо запечатано сургучной печатью, на которой выгравирован фонарь, символизировавший «Фонарь Диогена». Елагина не все письма запечатывала этой печатью. Чаще ее печать изображала лиру. — Г. П. и А. С.

7 марта. <...> Переводила с русского на немецкий с Петрушей, потом записала то, что перевела. Тут было уже три часа. Вечером читала с Петрушей.

8 марта. <...> До часу перевела 8 страниц с французского на русский. Потом читала и переводила с Петрушей до 4 часов.

21 сентября. <...> Приехал Мельгунов, весь день рисовала, и вечером играли на фортепианах.

1828 год. 11 января. <...> За обедом было очень скучно. Разговор Азбукина и Воейкова совсем не занимателен. После обеда, в то время как они играли в карты, я все говорила с Петрушей. Он научил меня, что такое ямбы и хорей. Потом приехали Кошелев и Офросимов с женами.

3 февраля. <...> После чаю Ванюша хвалил Тика, а маменька и Рожалин нашли его странным.

19 февраля. <...> Вечером мне было весело. У нас были Мицкевич и Матюшкин. Они оба интересно и хорошо говорят. Мицкевич много говорил о Польше, как это должно быть ему тяжело, бедный изгнанный.

1 марта. <...> Вечером танцевали. Каролина Яниш выдумывала смешные фигуры. Шевырев был очень любезен.

5 марта. <...> После ужина говорили о Geisterseher, что это человек, в котором все страсти перекипели и следы только оставили на лице. Он покорил все страсти. Вокруг него какое-то тихое величие, и он для всех непостижим, потому что выше всех.

10 марта. Сегодня все, что делала, было прилежно. Вечером приехали Погодин и Шевырев.

6 августа. <...> У нас был Шевырев, Фон<визин>, Погодин, Максимович. Очень было весело.

18 августа. <...> Возвратясь, нашли дома Погодина, и Ванюша читал свою сказку.

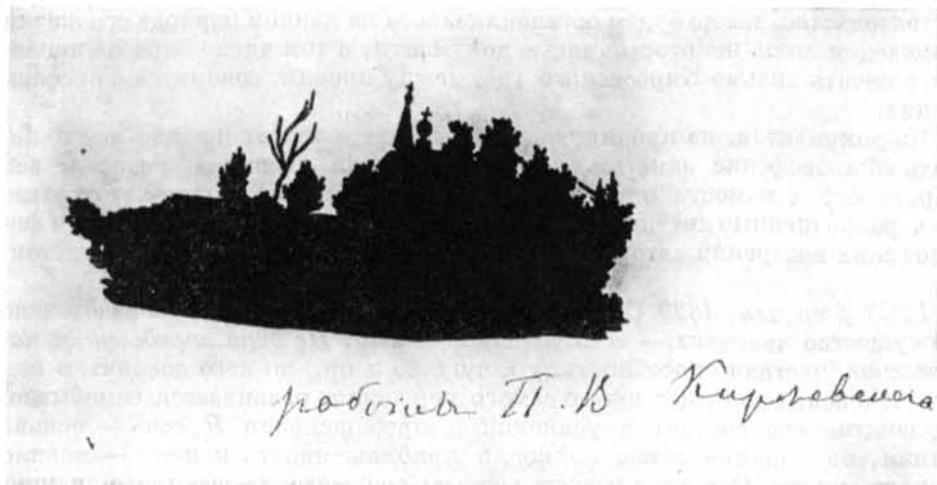
1829 год. 25 июня. <...> Боже мой, как трудно иметь над собой власть! Провожаем Языкова, как жаль, что он едет! Братьям и Петерсону так с ним было весело! Что будет, когда поедет Петруша, мне даже подумать об этом горько. Как я люблю этого доброго Пьера; он совсем не кажется таким чувствительным, каким он есть в самом деле.

26 июня. Весь день работала, а вечером ничего не делала. Опять не перевела этих трех страниц. Чем больше откладывать, тем хуже. Ах, как мне хочется учиться и образовать себя как только можно лучше. Когда все кончу для Пьера, примусь за учебу. Сильная воля наконец возьмет верх над ленью³⁰.

Запись от 25 июня посвящена сборам за границу Петра Киреевского, который уезжал туда летом 1829 г. За границей Киреевский завершает свое образование, поэтому некоторые выводы, относящиеся к этому периоду его жизни, и будут сделаны ниже.

* * *

В конце 1825 г. у Киреевского возникло желание поступить на военную службу. Но семья возражала против этого. В цитированном выше дневнике Маши Киреевской сохранилась такая запись от 4 марта 1826 г.: «Ванюша уговаривал Петрушу не идти в военную службу, подобно Сократу, очень умно»³¹. Впоследствии Петр Киреевский упорно добивался разрешения принять участие в русско-турецкой войне, приведшей к освобождению Греции от турецкого ига, и недаром его первая литературная работа была посвящена греческому восстанию Ипсиланти. Однако его упорное стремление уйти в армию, в чем ему хотел помочь Жуковский, натолкнулось на решительное сопротивление матери. В конце концов, уступив ей, Киреевский согла-

СЕЛЬСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Апликация (бумага) работы П. В. Киреевского, 1830-е годы

Из альбома Елагиных

Литературный музей, Москва

сился ехать в Мюнхен, где он при содействии матери находит поддержку Ф. И. Тютчева, служившего там в дипломатической миссии. Письмо А. П. Елагиной к Жуковскому излагает историю этой поездки:

5 июня <1829 г.>

«Друг мой Жуковский! Дней через 8 или 10 Петруша едет в Мюнхен! Чувствуете ли вы, что вам надо благословить его родительским благословением, сердечным, теплым, для того чтобы мне было отраднее? Знаю, что немецкий университет будет для него полезен, и Мюнхен выбрала потому, что там живет Тютчев, женатый молодой человек, очень хороший, — он там при посольстве; а я с отцом его и со всею семьею коротко знакома, следовательно, могу во всяком случае на него положиться — и несмотря на то, мне так эта разлука горька и тяжка, что трудно понять. Бедный мой Пьер такой еще бестолковый ребенок! не только людей не знает, но от большой застенчивости боится их. Надеюсь, что одиночество и нужда все это исправят, тяжело однако ж на это осуждать его. Благословите его, душа моя, мне утешительно будет знать, что вы его поход одобряете. Этим Мюнхеном мы точно заменили военную службу, за которую вы с такою горячею дружбою хотели приняться. Он не запишется студентом, а будет проходить курс вольным слушателем. До Бреслау с ним едет один довольно знакомый нам немец, а там один. Если бы Рожалин мог к нему присоединиться, я была бы совсем счастлива, но для этого нужно еще три тысячи, которых, по расстроенному состоянию и по необходимым издержкам на остальную большую мою семью, не могу, к сокрушению моему, дать...»³².

Дальше в письме речь идет о Рожалине, который впоследствии жил с Киреевским в Мюнхене. В конце письма рукою Петра Киреевского приписано: «Позвольте мне самому просить вашего благословения: доброе желание ваше должно принести добра. Всем сердцем вас почитающий

П. Киреевский»

О жизни Киреевского за границей довольно подробно рассказано в существующих биографиях и статьях, основанных на его обширной переписке того времени, которая почти полностью опубликована. Учитывая это

обстоятельство, мы не будем останавливаться на данном периоде его жизни и приведем лишь некоторые новые документы, в том числе одно не попавшее в печать письмо Киреевского, где, между прочим, говорится о русских песнях.

Из документов, не публиковавшихся ранее, следует прежде всего назвать «Философские заметки, или Философский дневник», который вел Киреевский с момента отъезда и до возвращения на родину. Сохранились разрозненные листки этого дневника; они очень показательны для философских воззрений автора. Приводим здесь некоторые из этих заметок:

11/23 фев<алья> 1830. Самое полное сознание, в котором сосредоточено все существо человека, — есть сознание жизни. Не одно определенное направление (частная способность, ум, чувство и пр.) до него доводят, в нем весь человек, оно существует с самого рождения, развивается самобытно, и развитие его состоит в усилении и преобразении. Я есть — основа знания, оно знание самое полное, и приближенность к нему — мерило всякого я знаю. Оттого и недостаточность мертвого, переданного знания, не целым человеком проникнутого, оттого сомнение и сила личного опыта, слабость одностороннего вывода и могущество вдохновения. На единстве человеческой природы основывается объективность истины; на тождестве полного сознания и жизни, на несходстве направления и на бесчисленном различии степеней жизни — раздел убеждений и форм выражения.

12/24 ф<евраля>. Первое условие могущественного действия и самобытности — есть твердость убеждения или непоколебимая вера в свое мнение.

13/25 ф<евраля>. Всё вместе причина и действие; конечная причина смыкается с конечным действием. Потому всякая истина относительна, но относительность не противоречит действительности. Каждая истина отдельная — отдельная нота; одно сочетание звуков составляет существо музыки. Магнетическое действие одного человека на другого, которое он перевешивает духовною силой, повторяется ежедневно; и убеждающий действует на убеждаемого не объективным достоинством отдельных мыслей, но личным могуществом, стройностью системы.

14/26 <февраля>. Нет середины: либо быть силою, либо орудием. Вера в собственные силы есть Архимедова твердая точка. Чем тверже можно опереться на эту основу, тем сильнее действие. Но в истине этой веры столько же различия, сколько в большем или меньшем совершенстве религий. Одна истина существует <...>

15/27 ф<евраля>. Ни на одну минуту жизни не должно смотреть как на средство; каждая должна быть вместе и сама себе целью. — Сколько людей, которые целую жизнь готовятся, и, может быть, когда уже будет поздно, некоторые из них спросят себя: когда же придет время действий и наслаждений? — но для большей части эта мысль, стоящая вечности мучений, не выплывает из однообразно колеблющихся волн привычки, самые бесплодные и бесцветные поля пройденной жизни, мертвый обман получают прелесть в таинственном тумане отдаления. Счастливы, для кого обман воспоминания закроев обман надежды.

17 ф<евраля>|1 м<арта>. Если бы все позволили себе действовать единственно по убеждению, по закону общему, объективному, отстраняя все побуждения к действию, основанные на личности, верно, никто бы не действовал.

18 ф<евраля>|2 м<арта>. Стремление сделаться, пересоздать себя, борется с стремлением знать себя. Результат того и другого будет один, если то и другое стремления не остановятся на цели конечной, если каждое твердым шагом будет идти вперед.

В. А. ЖУКОВСКИЙ

Акварель А. А. Воейковой, Орел, 1820, с дарственной надписью художницы адресованной А. П. Елагиной(?) на французском языке:

«Моя дорогая Евдокси, вот портрет и творение двух людей, которые умеют ценить вас и которые горячо вас любят!»

Литературный музей, Москва

В нерешительной борьбе того и другого заключается посредственность. В совершенном равновесии или совершенном перевесе одного — прямая и быстрая дорога к совершенству.

19 ф<евраля>/3 м<арта>. Сила воли есть сила жизни; самобытная воля — судьба.

20 <февраля>/4 ма<рта>. Силу действия одного человека на другого и его авторитет не столько определяет отчетливость и ясность его мыслей, сколько самоуверенность и догматизм ума.

21 ф<евраля>/5 м<арта>. Если истина есть согласие представления с предметом, в чем может состоять объективность истины, если не в форме выражения? Философия искони была одна и та же, но формы ее менялись с каждой эпохой и должны меняться до бесконечности.

Может ли существовать объективность истины: иначе как в отношении к одной эпохе?

23 ф<евраля>/7 м<арта>. Главное, основное достоинство системы — безыскусственность, всесторонность; потому она должна быть необходимо

полным, *личным* выражением философа. Неравенство людей состоит в большей или меньшей яркости жизни; оттого *полное сознание* каждого имеет свою личную степень. Единство человеческой природы основывает взаимную понятность, или, лучше сказать, взаимное *видение* друг друга, и полнее живущее, светлейшее существо необходимо господствует над более слабым и бледным. Оттого противоречие систем, их аристократическое отношение, и *один* светлее других, живущий и мыслящий, — представитель века. Каждый век имеет свою *личность*, и — так как истина есть согласие представления с предметом, т. е. *форма* созерцания или сознания, а каждое личное существо необходимо выражает себя в *своей личной* форме, — каждый век должен отличаться своею формой. Следовательно, одна вечно *неизменная* система философии так же невозможна, как невозможна одна, вечно неизменная форма жизни, *одно* направление. Решен ли хотя *один* философский вопрос *единодушно, окончательно*, на все века? Между тем образование человечества неоспоримо идет вперед; успех отражается в тончайшем, яснейшем объяснении старых вопросов. Но усовершенствование человечества бесконечно — бесконечны и степени ясности.

26 ф<евралья> / 10 м<арта>. Нет действия — без самобытности; нет самобытности — без самоуверенности. Самоуверенность независима от основания, твердость которого всегда относительна, потому что в степенях бесконечна и не имеет мерил; она не есть убеждение; она — вера.

28 ф<евралья> / 12 м<арта>. Для ясности мыслей приведение их в *слова* необходимо.

1/13 <марта>. Все держится *связью*; как отдельная нота музыки не имеет значения, так и все отдельное относительно. Связь умственных способностей человека есть память. На памяти основана вся его *личность*.

2/14 <марта>. На чем основывается *желание казаться*? — Это не что иное, как желание действовать непосредственно силою мысли, силою своего присутствия. Действие есть основное стремление всякой жизни, потому что желание казаться одно из необходимых и основных стремлений человека. Но истинное желание казаться должно состоять в том, чтобы казаться тем, что я *есть*; желание вполне выразиться, желание отражаться в других как в верном зеркале. Иначе — будет не желание выразиться, но лицемерие.

3/15 м<арта>. Привычка мешает началу дела, привычка и окончанию.

4/16 <марта>. Главное свойство, предохраняющее систему от односторонности, есть ее *естественность*; естественная система есть та, которая обнажает всю *личность* человека. Высшая личность есть высшая всеобщность.

5/17 <марта>. В знании столько же важна стройность, сколько в выражении или *бытие*.

6/18 <марта>. *Сказанное* слово необходимо имеет действие уже потому только, что оно сказано. Ни один звук, ни одно движение не пропадает даром.

7/19 м<арта>. Одно из важнейших условий яснейшего самопонимания есть независимость от чужого мнения; она же есть главное условие и действия на других.

8/20 м<арта>. Счастлив, кто никогда не сомневался в верности своего мнения, когда ему что-нибудь кажется смешным или глупым. Кто имеет одно, неизменное мерило всего внутреннего и внешнего.

9/21 <марта>. Горизонт понятий каждого относителен. Есть, однако же, круг, общий народу и веку; все, что выходит из этого круга, либо *велико, возвышающе*, либо *несообразно, страшно*. Борение — основное условие и самое существо жизни. Чем живее борец чувствует присутствие силы,

тем бодрее он борется, и успех борьбы не столько зависит от силы, сколько от уверенности в своей силе, в ее *знании*. *Знание* не что иное, как стройная система мыслей, нет знания без стройности. С самого начала жизни судьба дает человеку одно известное направление; его развитие *лично*, потому и система его знания (если оно действительно знание, т. е. развито самобытно) необходимо должна иметь отпечаток личности.

10/22 м<арта>. Пружина жизни человека — стремление выразиться; от средств зависит различие направлений и *лично* развитие страстей; от большей или меньшей *ясности* ума или чувства или совокупности обоих зависит добро или зло направления. Зло есть не что иное, как тьма, неясное, а потому ложное видение. Можно доказать, что зло столько же противоречит уму, сколько чувству; следовательно, оно не что иное, как *слабость*, происходящая либо от темномыслия (нестройности), а потому и недальновидности, либо от недостатка чувства (вялости чувства вообще).

11 июня 1831. Всякая сила предполагает предмет, на который она действует. Ум может действовать только над *данными*, перед ним находящимися. Если знание не неподвижно, если оно может увеличиваться или уменьшаться, то и число данных неопределенно и изменчиво. Если наше время идет *вперед* своим знанием, то и число данных теперь перед нами больше, нежели было перед нашими предками несколько веков тому назад. А то, что выходит из пределов *их данных*, не должно ли было казаться им чудом или чем-то противоречащим *здравому рассудку*? — Если не сделать бессмысленного предположения, что в нашу минуту время кончилось и замерло на одной недвижимой точке, то какое же право имеем мы *наш здравый рассудок* принимать за точку недвижимую и, основываясь на нем, говорить положительно: *это так, а не иначе, и иначе, быть не может?* Какое право смеяться над тем, что мы называем *чудом*? *Чудо* — не есть ли только то, что выходит из предела *наших данных*?³³

Приведенные здесь философские заметки Киреевского являются в известном отношении показателем усвоения идеалистической философии, которая подготавливает формирование его славянофильской концепции. Но было бы неверно искать здесь эту концепцию. Более того, в некоторых из этих заметок выражены прогрессивные идеи своего времени, например, мысли о борьбе как существе жизни, об историчности развития знания, о чуде как области непознанного. Наряду с этим в них полностью отсутствуют высказывания о боге и божественном провидении. Противоречивость взглядов Киреевского этого периода очень характерна, но тенденция их развития совершенно определена.

Из переписки Киреевского этих лет, которая, как уже отмечалось, почти полностью опубликована, мы приводим здесь только одно письмо к сестре, в котором упомянуты русские песни. То, что к этому времени Киреевский стал знатоком и любителем русских народных песен, можно сказать совершенно твердо. Он принадлежал к тем русским людям, которых, как говорил Гоголь, песни сопровождали от рождения до могилы. Мы видели, что в Долбине песенная культура была важнейшим элементом крестьянского и помещичьего быта. Очень любила песни его мать. И в письмах Петра Киреевского из-за границы видна эта любовь к песне. Еще с дороги 26 июля/7 августа 1829 г. он пишет: «Вот я и в Варшаве, за 1200 верст от вас <...> с самых границ Смоленской губернии я уже нигде не слыхал песней, которые еще слышны по красивым смоленским деревням», а 5/17 января 1830 г. просит: «Скажите Максимовичу, что Тютчев обещает дать пиес семь для Альманаха. Я очень ему благодарен за присылку песен»³⁴. Речь идет, очевидно, о сборнике песен, изданных Максимовичем, или, может быть, о новых записях песен, которые он продолжал в эти годы собирать.

В нижеследующем письме к сестре Киреевский говорит и о Паганини, игрой которого восхищен, о вариациях Вебера на русскую песню «Ехали казаки» и о русских песнях, исполняемых им на фортепьяно. Приведенные выдержки из письма свидетельствуют также о близкой дружбе с сестрой, которая вскоре становится его верной помощницей в подготовке издания песен.

⟨Мюнхен.⟩ 25 марта/6 апреля ⟨1836 г.⟩

«Милая Маша!

Давно уже, давно от тебя нет ни строчки! — Несколько раз я начинал писать тебе, всякий раз хотел побраниться за твое молчание, но всякий раз было не браню, перечтя твои милые письма! Как, однако же, не браниться? Помнишь ли ты, когда ты в последний раз ко мне писала? Это было от 12 ноября!! а теперь уже 25 марта! следовательно, больше четырех месяцев с тех пор прошло! — Если бы ты знала, какую радость мне делает каждое твое слово, ты бы всякую неделю писала мне хотя по несколько строчек и потом бы каждое первое число отправляла большой пакет! — Вот уже больше семи месяцев как мы разво ⟨...⟩ вообрази, что я вдруг возвратился, что я выдумал воздушный дилижанс и прилетел в Москву: сколько бы нам было рассказать друг другу об этом времени! Пиши мне как можно больше о том, что ты делаешь, что читаешь, что тебя больше всего занимает; что играешь на фортепьянах. Теперь уж ты, верно, играешь славно! — У меня здесь есть фортепьяно, но я играю редко. Разбирал Веберовы вариации на «Ехали казаки» и вариации на арию Паганини: «О татта, татта, сага», которую я тебе послал; последние, однако же, не хороши, и не те, которые играл Паганини; вариации Вебера мне очень нравятся. Чаще всего наигрываю русские песни или барабаню те вальсы, под которые у нас было столько танцовано и которые так живо меня переносят в Москву! Ноты на русские песни, которые ты обещала прислать, я жду.

Теперь уже у нас здесь больше месяца весна, и еще 14 февраля по нашему счету я сидел целый день с открытым окном, потому что было не меньше 15 градусов тепла; трава уже начинает зеленеться, однако деревья еще не распустились ⟨...⟩ Покуда в ясные дни я выхожу еще только в здешний английский сад, единственное красивое место в Мюнхене и около Мюнхена; но думаю, как скоро весна яснее обозначится, подробно осмотреть все мюнхенские окрестности; между тем поджидаю брата и Рожалина, и мы, может быть, если еще успеем до лекций, пустимся подалее, например в Зальцбург, который, говорят, есть самое прекрасное место в Германии, а может быть — хотя немножко — за границы итальянские! — То, что я до сих пор видел за границей и что мне всего больше хотелось бы показать тебе, — Дрезденская галерея и Саксонская Швейцария; что я слышал и что мне всего больше хотелось бы, чтоб ты послушала, — концерт Паганини! *Что* это такое — сказать невозможно ⟨...⟩

Обними за меня покрепче маменьку; теперь не успею писать к ней особенно, но 1 апреля буду писать много. Да попроси ее, чтобы она мне прислала твой портрет, хотя бы очерк; так странно вообразить тебя в буклях»³⁵.

В письмах к Шевыреву, жившему в Италии, Киреевский жаловался, что вокруг него нет ни «итальянского неба, ни музыкальной природы, ни живой поэзии народного быта»³⁶. Но зато как он восхищался, когда в Германии находил эту поэзию (см. его ранее опубликованные письма к матери, содержащие подробные и живые описания народных обрядов и праздников, которые он наблюдал в Мюнхене). Наконец, встретившись за границей с С. А. Соболевским и узнав, что тот вместе с Пушкиным готовит собрание песен, Киреевский поручает своему слуге Родиону за-

писать песни, сохранившиеся в его памяти. Песни Родиона впоследствии пропали, тем не менее именно к 1830 году Киреевский относит начало своей собирательской деятельности.

Таковы некоторые стороны жизни Киреевского за границей, на которые хотелось бы обратить внимание, учитывая его последующие занятия народной поэзией. Осенью 1830 г. он покидает Германию из-за эпидемии холеры, начавшейся в России, и желая быть в это время вместе с семьей. Отчасти этот внезапный отъезд был связан с отъездом брата, который жил с ним в Мюнхене, но, узнав об эпидемии холеры, поторопился выехать домой, опасаясь за жизнь своей невесты Натальи Арбеновой. Возможно, что на срочный отъезд Киреевских повлияло также готовящееся восстание в Польше, о котором, живя за границей и имея связи с польскими кругами, в том числе с Мицкевичем, они могли кое-что знать. Во всяком случае, Петр Киреевский, возвращавшийся домой, когда восстание уже начиналось, был задержан в Киеве как подозрительная личность и только в результате проявленной им выдержки в беседе с губернатором был отпущен на родину.

В заключение приведем два официальных документа:

<I>

SUB AUSPICIIS GLORIOSISSIMIS
AUGUSTISSIMI AC POTENTISSIMI PRINCIPIS
AC
DOMINI DOMINI
LUDOVICI,
BAVARIAE REGIS REL.
CORAM
ALMAE ET REGIAE HUIUS UNIVERSITATIS
RECTORE MAGNIFICO

sancte et jurisjurandi loco pollicitus est D. Petrus de Kiréefsky, Moscaviensis, Phil. Cand.

I. Se Rectori Magnifico atque Senatui academico, Magistratui suo legitimo, fidem, obedientiam et reverentiam debitam praestitutum;

II. Pietatem veram, sobrios et compositos mores, vestitum honestum, et quidquid in omni vita ingenuum ac liberalem hominem decet, sedulo sectaturum;

III. Secretas societates, cujuscunque nominis sint, aversaturum;

IV. Se legibus et statutis Academiae Ludovico-Maximilianeae conditis et condendis in omnibus fore obsequentem.

Quo pacto, data etiam dextra, in numerum Civium almae et regiae hujus Academiae redactus est, et hasce literas, ejus rei testes, sigillo Universitatis munitas, manuque Rectoris Magnifici subscriptas accepit.

Monachii, die 26. mensis Octobris anno 1829. N 130.

Dr. Fridericus Thiersch h. l.
Rector*.

* Под достославным покровительством августейшего и владетельного государя и повелителя Людовика, благоверного короля Баварии, в присутствии его превосходительства ректора сего отечественного и королевского университета дал священное и клятвенное обещание г-н Петр Киреевский, москвитянин, кандидат философии, в том, что он:

I. Будет проявлять верность, послушание и должное почтение его превосходительству ректору и академическому сенату как законному своему начальству;

II. Будет строго соблюдать истинное благочестие, трезвое и спокойное поведение, пристойность в одежде и все, что присуще во всей жизни человеку свободнорожденному и благородному;

III. Не будет вступать в тайные общества, какое бы наименование они ни носили;

«КЛЯТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ»,
ДАННОЕ П. В. КИРЕЕВСКИМ
ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ
В МЮНХЕНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ,
26 ОКТЯБРЯ 1829 г.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина,
Москва

⟨II⟩

Dem Studiosus Philosophiæ, Hrn Peter v. Kireefsky aus Moskau, wird bei seinem Abgange von der hiesigen Kgl. Universität hinmit bezeugt, dass sich derselbe vom 26 October 1829 bis jetzt des Studierens wegen dahier aufgehalten, während dieser Zeit ein klagefreies, den Sätzen entsprechendes, Betragen beobachtet, und in Ansehung verbotener Verbindungen sich nichts Nachtheiliges habe zu Schulden kommen lassen.

München den 28 October 1830.

Königl. Universitäts-Rectorat

Dr. Allioli d. z.
Rector ³⁷*

Таковы некоторые новые материалы о пребывании Киреевского в начале 1830-х годов за границей.

IV. Будет подчиняться всем установленным и имеющим быть установленными законам и положениям Людовико-Максимилиановой академии.

Дав такое обязательство и собственноручно его подписал, он был принят в число граждан сей отечественной и королевской академии и получил сию, свидетельствующую об этом грамоту, скрепленную печатью университета и подписанную рукою его превосходительства ректора.

Мюнхен 26 октября 1829 года. № 130.

Др. Фридерик Тирш, ректор (лат.).

* Дано сие удостоверение студенту философии г-ну Петру Киреевскому из Москвы, при оставлении им здешнего Королевского университета, в том, что, находясь в оном для обучения с 26 октября 1829 года по настоящее время, он в течение всего указанного срока обнаружил безупречное, соответствующее установлениям поведение и ни в чем предосудительном в смысле запретных связей замечен не был.

Мюнхен 28 октября 1830 г.

Ректорат Королевского университета,
Др. Аллиоли, ректор (нем).

сомнения, займет очень важное место в умственной, а может быть, и политической истории XIX века. Оставляя до другого времени подробное рассмотрение бредней этой секты, мы довольствуемся сообщением кратких о ней известий, взятых нами из одного берлинского и одного лондонского журналов (Jahrb. d. wiss. Krit.; Examiner).

Основатель этой религии или, лучше сказать, этой школы политической философии...

Весь этот текст, как сказано, зачеркнут, а далее следует:

Граф Сен-Симон родился 17 апреля 1760 года. Его фамилия принадлежала к одним из знаменитейших во Франции, и мнимое ее происхождение от Карла Великого всего сильнее подстрекало его честолюбие. Еще в ранней молодости он рассказывал, что его однажды поутру разбудил голос, который сказал ему: «Встань, граф, тебя ожидают „дела великие“». На 17-м году жизни, согласно с тогдашним обыкновением французского дворянства, он вступил в военную службу и через два года отправился в Америку; участвовал там в войне за независимость Соединенных Штатов и сделал пять кампаний под начальством Булье и Вашингтона. Уже тогда, предаваясь стремлению своего духа, он поставил себе целью «исследовать ход человеческого ума и способствовать усовершенствованию гражданской образованности». Уже тогда он видел в переворотах Северной Америки начало новой политической эпохи. Возвратясь во Францию, он был произведен в полковники; путешествовал по Голландии и Испании. Вспыхнула Французская революция; он старался дать себе отчет в ее причине и найти ей противоядие: первую увидел он в «постепенном упадке римско-католической веры со времени Лютера», а второе единственно «в создании новой всеобщей науки». Тогда он устранился от участия в перевороте все разрушающем и обратил все свои усилия на образование новой науки, имеющей целью всеобщее соединение. Чтобы обеспечить свою будущую жизнь, он в 1790 году соединился с графом фон Редем в торговом предприятии, и обороты их пошли так благоприятно, что в 1797, когда они разделились, Сен-Симон остался господином довольно значительного имения, которое он решился посвятить вполне своим давним замыслам. Итак, он еще ревностнее предался наукам, стараясь приобрести общий на них взгляд. Он нанял в Париже квартиру против Политехнической школы и в продолжение трех лет коротко познакомился с многими профессорами, жившими подле него. Из разговора с ними он собрал много сведений по части математики и естественных наук, первым основаниям которых он еще в начале своего воспитания научился от Д'Аламберта. Исполнив свое намерение, он переселился в соседство медицинской школы и от ее учителей получил нужные ему физиологические сведения. Скоро после, по заключении Амьенского мира, он путешествовал по Англии, Швейцарии и Германии, «чтобы составить себе полное понятие о философском богатстве Европы». Но Англия, по словам его, «не дала ему ни одной основной мысли, которая была бы нова», а в Германии «всеобщая наука была в детстве», там «она еще опиралась на начала мистических». В то время Наполеон предложил Институту задачу: «показать ход наук с 1789 года, современное их состояние и средства к ускорению их хода». Недовольный ответом, данным на этот вопрос, Сен-Симон старался удовлетворительнее разрешить его в своем, не ранее, однако же, 1808 года изданном «Предварительном исследовании хода наук в XIX веке». В этом сочинении, так же как и в другом, позднее изданном под заглавием «Lettres au Bureau des Longitudes», он упрекал, особенно ученых своего времени, в недостатке *всеобщей философии и единства*, связывающего разнородные науки; потому он сравнивал их с Декартом, который дал науке форму монархическую, между тем как Ньютон дал ей форму республиканскую, т. е. анархическую. Он побуждал их к

новому преобразованию Европы посредством *всеобщей теории*, могущей возобновить то единство, которое разрушилось с упадком католицизма. Он старался во многих сочинениях, издаваемых от 1808—1814 года, особенно же в своем «Prospectus d'une nouvelle Encyclopédie» (1810), провести главные черты такой теории. Скоро решительная перемена обстоятельств возвратила прежнюю династию, и Сен-Симону казалось, что для развития промышленности необходимо дать общественный характер и порядок. Он старался объяснить сословию промышленников ту роль, которая, как он думал, им назначена. С этой целью написаны были его сочинения: «Sur la réorganisation de la société Européenne»; «L'Industrie»; «L'Organisateur»; «La Politique»; «Le Système Industriel»; «Le Catéchisme des Industriels», кроме других, не так значительных сочинений.

Но многочисленные свои труды над совершением дела, для которого он себя чувствовал призванным, он уже по большей части окончил в бедности и нужде. Преследуя науки, он истощил почти все свое состояние, и жизнь его начала зависеть от слабых вспоможений, какими его могли поддерживать родственники. Но даже и тех он не употреблял на самого себя; довольствовался только самыми необходимыми потребностями жизни, питался хлебом и водою, не употреблял огня, продавал свое платье, чтобы только сохранить что-нибудь на печатание и раздачу своих сочинений. Он отказался даже от образа жизни, приличного своему состоянию, и от независимости, с детства ему привычной. Холодность, гордость, презрение, ожидающие человека, который часто принужден искать помощи своих знакомых, — все было ему сноснее, нежели недостаток способов к распространению науки, которая, по его убеждению, должна была вести человечество к высшему благу. Но, несмотря на все его усилия, его понимали мало, противники его теснили, а скоро оставили и защитники.

Тогда ему жизнь стала несносна, надежда его оставила, он поднял руку на самого себя, — но выстрел не был смертелен. Наконец Сен-Симон в собственной душе нашел щит против пренебрежения света. Он издал последнее свое сочинение «Le Nouveau Christianisme» и скоро после, 19 мая 1825 года, умер в нищете и забвении. Последние его слова, сказанные немногим окружавшим его ученикам, были: «La poire est mûre, vous la cueillerez»*.

Несмотря на то, что общее мнение тогда не было благоприятно учению Сен-Симона, что его побудительные причины были либо не поняты, либо выставляемы с ложной стороны, а религиозный энтузиазм к принятым началам почитался за бредни сумасшедшего, осталось, однако же, небольшое число учеников, привязанных к нему и его правилам, наследовавших после него тот же энтузиазм, который привязал (?) его собственную душу. Едва он исчез из их круга, ревность их обнаружила в неутомимых усилиях распространить науку своего учителя, которого они выставляли больше как основателя новой религии, нежели новой системы политической философии.

Первым открытым шагом сен-симонистов было издание с помощью нескольких банкиров еженедельного журнала: «Le Producteur», назначенного на изложение существенных начал новой науки. Сначала, чтобы привлечь больше читателей, помещались в нем и посторонние предметы; после он исключительно посвящен был распространению Сен-Симоновой системы и выходил ежемесячными книжками. Скоро, однако же, недостаток денежных средств совершенно остановил его, а вышедшие из печати книжки едва составляют четыре тома.

Немногие, которые таким образом получили понятия о новой науке, которые либо спорили против нее доказательствами, либо сражались самым обыкновенным оружием, какое употребляется против всего нового, — шут-

* Груша созрела, вы ее сорвете (франц.).

ками и насмешками, — считали прекращение этого журнала за несомненный знак, что приверженцы новой школы либо увидели свое заблуждение, либо узнали, что невозможно убедить других в том, чему сами верили. Оба предположения были далеки от истины. Ревность нимало не ослабела в последователях новой веры. Около них собрались толпы людей теперь такие многочисленные, «которым наскучила духовная и общественная наука гостиных, которым настоящее тесно, которые пренебрегают прошедшим и вздыхают по будущему, хоть им не известному, но подающ^{ему} надежду на развязку великих задач, встречающихся при современных успехах человеческого рода». Раздавали сочинения Сен-Симона и номера журнала «Producteur», завели постоянные переписки, собрания на беседы, и таким образом составилось общество, которое всеми силами стремилось к одной цели: «довершать назначение человечества, возвысить нравственность, дух и умы будущих поколений». «Producteur» занимался почти исключительно развитием исторических событий, имевших непосредственное влияние на промышленность и науки. Оставалось еще заняться изящными искусствами как выражением человеческой симпатии и антипатии, показать влияние, какое они имеют на образование человека; также обратиться к самой *истории гражданской ответственности и философии* и направить любимую в нашем веке *критику* против того самого века, в который люди осмелились восстать против всего. С этой целью началось в 1830 году издание ежедневного журнала «L'Organisateur» (и теперь выходящего), а в сочинении «Doctrine de Saint-Simon» (1829) изложена сущность лекций, читанных в Париже в 1829 году. Уже в марте 1830 года сен-симонисты усилились до такой степени, что открыли публичные заседания, где начали публично преподавать свои правила. Число слушателей беспрестанно увеличивалось; беспрестанно присоединялись люди всякого сословия, однако же всего больше люди высших сословий. Подобные лекции открыты и во многих других значительнейших городах: в Бордо, Тулузе и т. п.

На революцию 1830 года так же немало имело влияния распространение новой школы. Учение свое, кроме помянутого журнала «L'Organisateur», новая школа начала преподавать в известной французской газете «Le Globe», который присоединил к своему заглавию, что он «Journal de la doctrine de Saint-Simon».

Главные положения системы Сен-Симона заключались в том, что состояние человеческого рода бесконечно может усовершенствоваться; что люди идут, шли и всегда будут идти к полному совершенству. Что касается до одного будущего совершенства, то это учение не совсем ново, но система Сен-Симона отличается утверждением, что будущее стремление к такому состоянию необходимо и неизбежно и что это свидетельствует опыт прошедших веков. Он смотрел на все человечество как на одно совокупное тело, подверженное постоянным законам, которые правят им так же неизменно и однообразно, как и миром естественным. А так как в естественных науках из множества наблюдений над отдельными фактами видно, что они всегда следовали одни за другими в постоянном и однообразном порядке, то из этого можно справедливо заключить, что тот же самый порядок или тот же закон, под которым они до сих пор находились, будут и впредь ими править. Так как история учит, что человечество постоянно стремилось к совершенству, то справедливо можно заметить, что тот же самый закон, который до сих пор им правил, будет и впредь продолжать то же влияние.

Состояние совершенства, к которому человечество постепенно приближалось и к которому всегда будет стремиться, заключается в сочетании и единстве личных выгод. Сен-симонисты не допускают, однако же, чтобы это стремление до сих пор продолжалось непрерывно и однообразно. Напротив того, раскрыв великую книгу деесписания, они видят, что общество всегда

П. В. КИРЕЕВСКИЙ

Фототипия с портрета неизвестного
художника, 1830-е годы

Литературный музей, Москва

выражалось в двух различных сферах, что оно в ходе своем всегда делилось на две великие эпохи, обнимающие все человечество, и что две эпохи следовали одна за другой таким образом, что всегда после периода *организующего* наступал период *критический*. Во время организующего периода люди чувствуют, что их существование имеет верную цель и определенное назначение, и в применении к этой цели сосредотачиваются все усилия: воспитание, законодательство и все другие пружины гражданского механизма. Характер такой эпохи — вполне религиозный. Эпоха критическая, напротив того, непостоянна и нерелигиозна, своекорыстие разделяет общество, организм его стремится к разрушению и прокладывает дорогу новой эпохе. Так как прежде всегда после времени безначалия, своекорыстия, безбожия наступало время иерархии, освящения, веры, так и после нашей *критической* эпохи мы можем ожидать подобных действий. До этого заключения сен-симонисты доходят следующим соображением: то время, когда многобожие расцвело во всей своей силе, было эпохой организующей, а вслед за тем наступивший век философии был периодом критическим, готовившим человечество к новому организующему периоду, который явился в образе христианства. Со времени Лютера общество опять вступило в период критический; а явления, видимые теперь, кажется, предвещают, что уже наступила или, по крайней мере, приближается новая организующая эпоха. Из наблюдений над законами, которые до сих пор правили организующими эпохами, Сен-Симон заключает, что они постоянно приближают человечество к совершенному братству и совершенному единству, что периоды раздробления и разъединения (*antagonisme*) постоянно ослабевали или, что все равно, дух братства всякий раз соединял людей теснее, — так что, заключенный сначала в истинном кругу отдельных семейств, он беспрестанно распространялся постепенным соединением семейств в селения, нескольких селений в города, нескольких городов в области и нескольких областей в государство. Отдельные государства, хотя и не соединялись под властью одного светского правления, соединялись исповеданием одной веры и под-

чиненностью одному духовному владыке. Потому вражда и ссоры между народами постепенно будут слабеть, покуда совершенно не исчезнут, так что весь мир составит некогда одно общество, правящее одними законами, исповедующее одну веру в совершенном и полном согласии чувств и выгод. Ум и сила всегда будут стремиться к своему источнику, к любви, чтобы вместе с нею возгласить благодарственную песнь и получить от нее творческую силу вдохновения.

Но такое усовершенствование человечества может быть достигнуто только тогда, когда все покорится тому закону единства или братства, который теперь соединяет города и государства под властью одного правления. Должно всему человечеству в совакупности дать такой вид, чтобы все препятствия дальнейшим его успехам были устранены; должно достигнуть того, чтобы один человек не жил на счет другого, или, говоря языком сенсимонистов, должно уничтожить всякое *exploitation de l'homme par l'homme**, должно великим законом общества признать правило, которое сенсимонисты выражают таким образом: «Каждому человеку да будет по его способностям, каждой способности по его делам» (*A chaque homme selon ses capacités, à chaque capacité selon ses oeuvres*). История показывает, что не одна вражда, но и непосредственная сила, которую имел один человек жить на счет другого, постоянно клонилась к падению. Так, например, в первобытном и несовершеннейшем состоянии общества пленника либо пожигали, либо, по крайней мере, лишали жизни. Когда этот обычай заменился рабством пленных, то это уже было великим шагом к совершенству. Дальнейшим улучшением человеческой участи было введение умеренного рабства, как в средних веках. Теперь у образованнейших европейских народов уже нет другой непосредственной власти одного человека над другим, кроме той, которая рождается от разнообразных условий между господином и слугою, одним словом, от неравного разделения богатства. Потому необходимым шагом к установлению лучшего общественного механизма, к установлению прав достоинства вместо права завладения и наследства должно быть, по их мнению...³⁸

На этих словах рукопись статьи обрывается. Из приведенной части ее видно, что Киреевский достаточно подробно излагает биографию Сен-Симона (иногда цитируя его автобиографию) и сущность его учения. Изучение Киреевским теории утопического социализма и обстоятельное знание этой теории, к которой он относится достаточно объективно, возможно, разделяя некоторые ее положения, очень показательно. Важно подчеркнуть, что обращение Киреевского к изложению учения сенсимонизма было проявлением его интереса к проблемам социального переустройства, необходимость которого глубоко осознавалась в то время передовой частью русского общества. Судьбы родины и народа, оценка исторического прошлого, о котором с таким безнадежным отчаянием писал Чаадаев, бросая вызов николаевской реакции, глубоко волновали Киреевского, как и всю мыслящую дворянскую молодежь того времени.

Особенно же волновали Киреевского проблемы национально-освободительного движения, которые сыграли важную роль в формировании его фольклоризма в первый период деятельности. Интерес к нему сказался на других его работах начала 1830-х годов. Первая из них: «Изложение курса новогреческой литературы...» Ризоса Нерулоса посвящена освободительной борьбе греческого народа³⁹. Ризос Якобс *Нерулос* (1778—1800) был видным участником национально-освободительного движения в Греции, и выбор его труда Киреевским был не случайным. Не менее характерной для Киреевского этого периода была статья «Современное состояние Испа-

* эксплуатацию человека человеком (франц.).

нии», посвященная борьбе испанского народа с реакционным режимом Фердинанда, укрепившего свою власть при помощи французских войск и Священного союза⁴⁰. Обе эти работы ярко характеризуют идейные позиции их автора, безусловно симпатизирующего национально-освободительному движению и смело обличающего реакцию. Статья об Испании напечатана в 1832 г., т. е. в период, когда разворачивается деятельность Киреевского как собирателя фольклора. Таким образом, интерес к фольклору у Киреевского пробуждается одновременно с его глубоким интересом к национально-освободительной борьбе в Греции, в Испании и, конечно, к социальной и политической освободительной борьбе в России, связанной не только с событиями Отечественной войны 1812 г., но и с восстанием декабристов. Это очень важно подчеркнуть потому, что на основе изучения национально-освободительного движения, которым Киреевский занимался почти всю жизнь, определяются его взгляды на фольклор. В этом отношении его деятельность как фольклориста в 1830-х годах протекала в общем русле развития передовой русской фольклористики.

2

Материалы, приведенные в предыдущей главе, показывают, что жизнь Киреевского с самого раннего возраста проходила в условиях, которые чрезвычайно способствовали развитию его литературного дарования и интересов.

История Собрания песен Киреевского далеко не полностью освещена в фольклористике. Разработка ее предполагает всестороннее изучение всех материалов, относящихся к деятельности Киреевского по записи песен и подготовке их к публикации. Обследование архивов дало возможность выявить целый ряд новых документов, характеризующих основные этапы истории его Собрания. Систематически записывать песни Киреевский начал летом 1831 г., живя вместе с Елагиными на даче в Ильинском, под Москвой. Первое свидетельство об этом встречаем в письме А. П. Елагиной к мужу от 8 июня 1831 г., посланном из Ильинского. В нем есть такая приписка Киреевского: «Эти несколько строк происходят теперь не оттого, что я поздно встал или опоздал на почту, а оттого, что пишу русские песни, сказываемые мне одной из здешних сельских юных дев»⁴¹. Тогда же песни начинает записывать Н. М. Языков, которого Елагины пригласили к себе на дачу в Ильинское. До этого времени у Киреевского была лишь небольшая коллекция песен (150 номеров), которые предназначались для собрания Пушкина⁴². В 1833 г. Пушкин передает все свои материалы Киреевскому. Происходит это, по-видимому, 26 августа 1833 г., когда Пушкин, С. А. Соболевский и С. П. Шевырев, также принимавшие участие в Собрании песен, встречаются с Киреевским в Москве, в доме Елагиных у Красных ворот⁴³. Киреевский становится во главе задуманного Пушкиным собрания песен, получает также песенные материалы Языкова и готовит их к печати. Работа его проходила в трудных условиях, потому что осенью 1833 г. у него начинается тяжелое заболевание печени, от которого он не мог избавиться всю жизнь.

Об этом периоде в жизни Киреевского сохранились свидетельства в переписке Елагиных и в его собственных письмах. 14 ноября 1833 г. А. П. Елагина писала Жуковскому: «Петр уже три месяца не встает с постели. Мучительную и опасную болезнь переносит он с какой-то ненынешней твердостью (...). Когда ему лучше, он роется в преданиях, составляет, выправляет легенды, нынешним летом собранные у нищих, песни русские и пр.»

В другом письме, от 23 ноября, она сообщает о том же: «Иван другой месяц болен и уныл, Петр уже три. Он перевел „Отелло“, „Венецианского купца“,

теперь занят изданием русских песен и легенд; у него собрано тех и других большое количество, и дело будет важное и полезное. Будет ли, впрочем? Как угодно судьбе! Мы все живем давно *sur le qui vive** и смотрим в двери: кто постучится?..»⁴⁴

Работая над подготовкой сборника песен, Киреевский одновременно занимается переводами Шекспира. Это очень показательно, учитывая и интерес Пушкина к Шекспиру в начале 1830-х годов и одновременные занятия Пушкина и Киреевского народными песнями.

К зиме 1833/34 г. значительная часть материалов, несмотря на болезнь Киреевского, была подготовлена для издания. Зная, что вскоре ему нужно будет сопровождать мать в поездке за границу, где он предполагал пройти курс лечения, Киреевский торопится с публикацией песен. 24 февраля 1834 г., будучи очень занят работой над песнями, он писал отчиму:

«Не возневайтесь и т. д., пожалуйста, что я до сих пор вам не писал! В среду у меня уже и бумага была на столе, да и тут нашлись помехи, которые помешали: столько хлопот, я думаю, давно уж ни у кого на сем свете не бывало. Деньги я получил аккуратно и весьма чувствительно вам благодарен за их скорое прислание; но увы! они истекают из рук моих, аки потоки весенние с крутизны горной, и, вероятно, вскоре после вашего возвращения я опять *пойду на вас*. Издание, хоть и не подверженное по всем человеческим расчетам никакой опасности убытка, будет, однако же, стоить довольно значительных сумм, и особенно вначале; тем больше, что надобно будет печатать в *пяти* типографиях вдруг и, следовательно, бумагу заготовить разом на все издание, что одно уже составит около 1000. Нынче же еду забирать подробнейшие справки в типографиях; а покуда выходят, по нашим расчетам, следующие результаты: издание будет состоять из пяти больших томов, листов в 20 каждый; напечатать их станет около 4000, и если пустить по 20 р. асс. экземпляр, то 300 экземпляров уже совершенно покрывают издание. Риску, кажется, нет. А печатать в *пяти* типографиях разом (разумеется, прииславши одинакий шрифт) необходимо для того, что в одной типографии больше 4-х листов в неделю тискать невозможно, а в таком случае печатание продлилось бы год и остановило бы мой отъезд. К тому же это предохранит и от воровства типографий. Но об этом мы будем подробнее беседовать с вами после вашего возвращения, а между тем я короче (подробнее) узнаю все подробности и обстоятельства»⁴⁵.

Итак, из письма следует, что в начале 1834 г. подготовка издания Собрания русских народных песен идет полным ходом. Продуманы затраты на издание, его рентабельность, ведутся переговоры с типографией. Что же в таком случае побудило приостановить работу? Причина оказалась на первый взгляд неожиданной. Киреевский, вместо того чтобы завершить подготовку сборника, 5 мая того же года уезжает для записи песен в Новгород. Никем из исследователей не ставился вопрос, почему Киреевский, располагая уже громадной коллекцией песен (на пять томов, по 20 авторских листов каждый), приостанавливает работу и уезжает за песнями именно в Новгород. Казалось бы, проще собрать недостающий материал в своих имениях Калужской или Орловской губ. или записать песни под Москвой, где он только в деревне Воронки собрал около 300 текстов.

Совершенно ясно, что поездка Киреевского в Новгород в самый разгар работы над сборником была не случайной. Весьма вероятно, что по замыслу Пушкина, Киреевского, Языкова, Соболевского Собрание русских народных песен не могло появиться без материалов, записанных от потомков новгородской вольницы, без песен о Господине Великом Новгороде. Этого

* находясь начеку (франц.).

требовала декабристская фольклористика, уделявшая особое внимание республиканским традициям древнего Пскова и Великого Новгорода. Поездка Киреевского помогает раскрыть идейный замысел составителя сборника.

Надежды Киреевского не оправдались. По письмам из Осташкова и Новгорода видно, что собиратель глубоко разочарован: ни в Осташкове, ни в Новгороде он не услышал песен о новгородской старине. К тому же поездка осложнилась преследованиями местных властей, которые чинили ему препятствия.

Все же Киреевский собрал довольно много песен (главным образом свадебных) в окрестностях Осташкова и один из первых записал новгородские песни. Часть осташковских песен получил он от Снегирева, уроженца этих мест.

Поездка Киреевского в Новгород состоялась вслед за поездкой Пушкина осенью 1833 г. в район восстания Пугачева и после упомянутой встречи их, в результате которой Киреевский окончательно становится во главе издания.

Осташковско-новгородское путешествие Киреевского интересно как первая в русской науке специально фольклорная экспедиция, преследующая определенную цель: запись песен в заранее намеченном районе. Характер экспедиции, маршрут, результаты ее известны по имеющимся изданиям песен и публикациям писем Киреевского. Вместе с тем хочется обратить внимание на условия этой поездки, ставшие впоследствии столь характерными для многих фольклорных экспедиций дореволюционных лет.

Во-первых, подозрительность и преследования местной администрации, которые испытал на себе Киреевский. Он был вынужден заявить, что болен, и пройти медицинское освидетельствование только с той целью, чтобы его не выслали из Осташкова. Недавно опубликованы новые материалы, содержащие секретную переписку тверского губернатора А. П. Толстого с осташковским городничим и Москвою по поводу собирательской деятельности Киреевского⁴⁶.

Во-вторых, просветительская работа, которая велась Киреевским наряду с записью фольклора, что стало типичным для последующих фольклорных экспедиций вплоть до нашего времени. Об этой стороне деятельности Киреевского мы узнаем из писем, обнаруженных нами в архиве собирателя. Поскольку они представляют несомненный интерес для характеристики облика Киреевского, приводим одно из них:

«Милостивый государь
Петр Васильевич!

В почтенном письме вашем прошлого года в июле месяце вам угодно было удостоить Осташковскую гражданскую библиотеку для чтения лестным одобрением с пожеланием принять участие в существенном составе оной и пожертвовать в пользу кассы общества библиотеки сумму вашего залога. Ныне же вторично библиотека удостоена новым даром вашим 13 числа сего месяца, а почтою получены от вас 14 томов книг, самими гг. сочинителями и издателями оных назначенные. Общество членов Гражданской библиотеки примерное сие внимание ваше к приумножению предметов в состав оной и редкое усердие сделать библиотеку нашу по возможности более известною, рекомендуя таким особам, труды коих по частям ученой и литературной давно уже стяжают им достойную славу, и самое пожертвование ваше, знаменующее любовь к просвещению, приняв с особенным уважением, представило нам, избранным для управления делами оной, свидетельствовать сим от Общества членов полную вам признательность и покорнейше просить передать равномерную благодарность нашу гг. Погодину, Хомякову,

Павлову и Лихонину и тем из гг. сочинителей и переводчиков, коим не угодно было означить свои фамилии.

Исполняя с удовольствием приятный для нас долг сей, имеем честь быть с совершенным почтением ваши милостивого государя покорнейшие слуги

Попечитель Стефан Савин
Товарищ попечителя Николай Деянатов
Библиотекарь Алексей Серебряников

Осташков

22 июля 1835 года ⁴⁷

Осенью 1834 г. о Собрании песен Киреевского становится известно в литературных кругах. Этому способствует публикация Киреевским нескольких песен в альманахе «Денница», который издавал М. А. Максимович ⁴⁸. Здесь была напечатана очень редкая песня об обороне Пскова от Стефана Батория и четыре песни балладного характера. Состав публикации, в которую вошли и песня-жалоба на жизнь в чужой стороне, и песня-баллада о солдате, вернувшемся в родной дом и не узнанном женой, и другие тексты, соответствовал подлинному духу народной поэзии. На это сразу обратили внимание современники. Н. В. Станкевич писал: «Какое драгоценное собрание! Несколько песен будет напечатано в „Деннице“. Я видел некоторые листки ее — эти песни чудесны. Вот еще достоинство: они, кажется, без всяких поправок, в оригинальной грубости» ⁴⁹. Из приведенных строк видно, как отчетливо осознавалась тогда потребность в подлинных, а не приблизительных или откорректированных записях песенной поэзии. По выходе альманаха в свет на публикацию Киреевского немедленно откликнулся Н. А. Полевой ⁵⁰. Он оспаривал некоторые положения, высказанные в комментарии к песне об обороне Пскова, но в целом приветствовал появление их в «Деннице».

В ноябре того же года Киреевского принимают в Общество любителей российской словесности при Московском университете, о чем сохранился следующий документ:

«Милостивый государь, Петр Васильевич!

Общество любителей российской словесности при императорском Московском университете, отдавая должное справедливым трудам вашим на поприще отечественного слова, избрало вас в заседании октября 30 дня 1834 года действительным своим членом — диплом на сие звание вместе с высочайше утвержденным уставом Общества доставлены будут к вам немедленно.

Уведомляя вас о таковом избрании, с совершенным почтением имею честь пребыть, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою

Михаил Погодин,
секретарь общества

№ 22

1834 года. Ноября 24

Его благородию П. В. Киреевскому» ⁵¹

Принятие Киреевского в Общество любителей российской словесности было связано с попыткой Погодина возродить деятельность этого Общества, в то время почти прекратившего свое существование. Известно, что тогда же Погодин послал письмо Пушкину с предложением принять участие в работе Общества. Пушкин дал отрицательный ответ, напомнив об оскорбительном для него избрании в Общество в один день с Булгариным в 1829 г. Киреевский никакого участия в работе Общества не принял. Но после смерти собирателя, в силу сложившихся обстоятельств, вся его коллекция попала в Общество, которое издавало его песни в течение 70 лет, так и не издав полностью.

ДОМ КИРЕЕВСКИХ—ЕЛАГИНЫХ
В ХОРОМНОМ ТУШКЕ
У КРАСНЫХ ВОРОТ В МОСКВЕ

Вид со двора

Фотография А. Д. Соймонова, 1966

В начале лета 1835 г. Киреевский оставляет службу в Московском архиве Министерства иностранных дел, куда он поступил при содействии Жуковского в 1831 г. Сохранился ряд документов о его службе в архиве, а также неопубликованная переписка А. П. Елагиной, Н. М. Языкова и других близких Киреевскому лиц, содержащая некоторые данные по этому вопросу. Из документов мы узнаем, что Киреевский долго добивался должности актуариуса, сдавал соответствующий экзамен для этого, причем ему помогло знание иностранных языков. Первоначально он получил возможность работать над древними рукописями и старопечатными изданиями. Но в дальнейшем ему предложили заниматься служебной перепиской, оформлением паспортов, виз, и он предпочел уйти из архива.

В мае 1835 г. Киреевский отправился с матерью за границу. Решено было ехать морем через Петербург. Здесь он задержался для получения разрешения на выезд, жил у Жуковского, и в это время произошла его последняя встреча с Пушкиным. М. А. Цявловский, опираясь на материалы П. И. Бартенева, утверждал, что эта встреча произошла на даче у Пушкина на Черной речке. У Бартенева же находим интересное сообщение: «Пушкин с великою радостью смотрел на труды Киреевского, перебирал с ним его собрание, много читал из собранных им песен и обнаруживал самое близкое знакомство с этим предметом»⁵².

У нас нет дополнительных материалов о содержании их беседы, но зато имеется документальное подтверждение того, что эта встреча действительно состоялась. 31 мая 1835 г. Киреевский пишет брату:

«Обнимаю тебя от всего сердца, друже брат! а пишу теперь покуда опять только несколько строк. Я, как ты видел из моего последнего письма, с маменькою отправиться не успел; думал догнать ее в Гамбурге, если бы удалось выехать 1 июня, но и этого не удалось, потому что объявление обо мне в газетах продержали в типографии четыре дня лишних. Итак, мне отправиться не прежде будет возможно, как 12; следовательно, я маменьку найду уже в Карлсбаде. Между тем посмотрю Петербург. Виделся я здесь только с Жуковским, Одоевским, Титовым, Веневитиновым, Комовским, Вяземским, Пушкиным и Соболевским, и весело мне было видеть, что они истинно любят тебя, по тому дружескому привету, с которым они меня встречали...»⁵³

В письме упоминаются лица, которые принимали особое участие в делах И. В. Киреевского. Для нас важно, что здесь названы имена Пушкина и Соболевского, а это дает полное основание предположить, что в беседах с ними Киреевский обсуждал также и состояние работы над сборником песен. Возможно, что он смотрел с Пушкиным и какие-то материалы из тех, которые мог захватить с собой за границу.

Годы 1835—1837 были довольно трудными в жизни Киреевского. Вернувшись из-за границы, он должен был взять на себя раздел имения, что заняло очень много времени в течение всего 1836 и начала 1837 г. и доставило ему немало неприятностей. Однако работу над песнями и в эти годы Киреевский не прекращал, о чем известно из его переписки. В письме к родным из Франценбурга от 6/18 августа 1835 г. встречается следующая приписка: «Не делал покуда ровно ничего; но думаю, однако, что сумею хоть сколько-нибудь позаняться моими песнями»⁵⁴.

В письме А. П. Елагинной, посланном из-за границы А. М. Языкову 17/29 октября 1835 г., имеется сообщение о работе Киреевского: «В декабре явится к вам Петр Киреевский, который в Праге вполне наслаждался словарями и грамматиками славянскими. Сербы, чехи, болгары, венгры покорили совершенно весь ум его и сердце, а профессор Юнгман, который все собрал в одном словаре, удовлетворил всем мечтам пылкого воображения»⁵⁵.

Это сообщение Авдотьи Петровны важно как свидетельство установления Киреевским тесных связей с учеными славянских стран, что впоследствии имело немалое значение в его работе над песнями. Особенно интересно упоминание о его встрече с И. Юнгманом, который в эти годы начал издавать свой знаменитый «*Slownik česko-německý*» (Praga, 1835—1839). Юнгман был выдающимся деятелем чешского национального возрождения, филологом, поэтом, одним из создателей чешского литературного языка. Вместе с тем он был виднейшим знатоком чешского, русского, как и вообще славянского, фольклора. Поэтому встреча с ним не могла пройти бесследно для Киреевского так же, как и состоявшееся в то время его знакомство с П. Шафариком и В. Ганкой.

В переписке 1836 и начала 1837 г., заполненной главным образом хозяйственными и семейными делами, имеются некоторые упоминания о работе над песнями. В письме Киреевского к брату Ивану Васильевичу от <29> июля 1836 г. из Долбина читаем: «Так как мне надо будет печатать песни в Москве, то нельзя ли нам будет нанять дом вместе...» В другом письме к брату от 11 июля того же года он жалуется на отчима, который отказался участвовать в разделе имения: «Если бы он сказал это в начале зимы, то, может быть, дело уже давно было бы кончено, и я успел бы съездить к Языкову, и даже песни мои уже были напечатаны!»⁵⁶

К началу 1837 г. дела по разделу имения, которые вел Киреевский, заканчиваются, но разлад в семье, вызванный этим, продолжался. Надо отдать должное Петру Васильевичу в том, что он всячески старался уладить возникшие раздоры, и не случайно ему, как лицу наименее заин-

тересованному, не имевшему семьи и наследников, было поручено вести эти дела. В результате раздела имения он получил в Орловской губ. с. Рубча со 179 крепостными и деревню Киреевская Слободка в 7-ми верстах от Орла со 106 крестьянами. В Киреевскую Слободку в качестве хозяина он приехал впервые в январе 1837 г. и писал оттуда: «Здесь у меня очень порядочная просторная комната, в которой я завел диван, вольтеровское кресло, шесть стульев и гитару <...> В хозяйство надеюсь вникнуть, хоть на первый случай очень трудно сообразить при совершенном недостатке прежних бумаг и счетов»⁵⁷.

К осени 1837 г. Киреевский выстроил здесь новый дом и прожил в нем с недолгими отлучками девятнадцать лет до самой смерти.

Уже в первый приезд, в январе 1837 г., он начал записывать здесь песни.

В неопубликованных письмах Киреевского к матери встречаются упоминания о песнях. Так, 17 марта 1837 г. из Москвы он сообщает: «Я еще покуда дел своих не кончил; впрочем, обещаюсь скоро, и тогда авось-либо можно будет приняться наконец-то за песни. Лишь бы только никакие душевные заботы не мешали мне предаться этому». В письме от 14 апреля 1837 г. он, советуя ей забыть семейные раздоры, пишет: «Только дай бог, чтобы ваша память поступила с прошедшим так же, как память русского народа с эпохой Ивана Грозного, о которой в песнях поется только одно великое и светлое»⁵⁸.

Все эти, по существу случайные, замечания в письмах важны для нас потому, что они являются свидетельством непрекращавшейся фольклористической деятельности Киреевского.

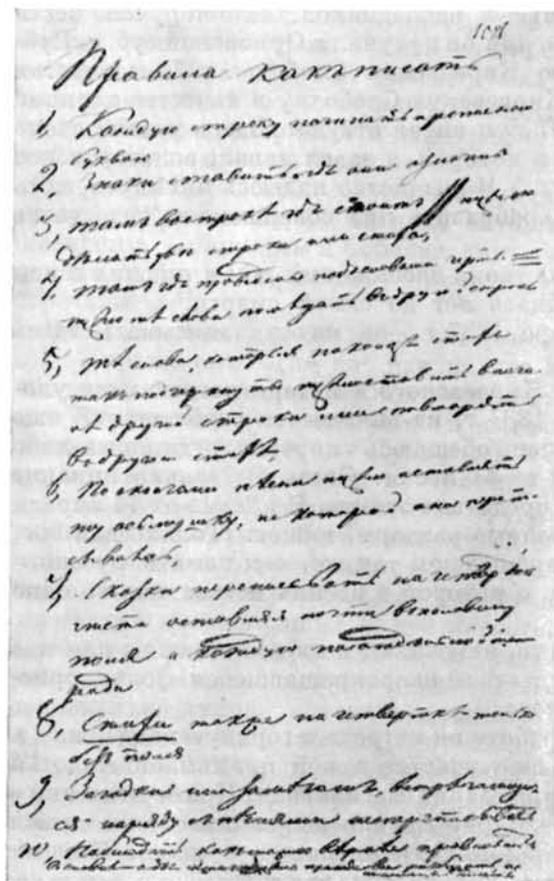
Следует отметить, что в этой работе он встречает горячую поддержку и сочувствие своих близких. Большое участие в ней принимает Авдотья Петровна и в особенности его сестра Мария Васильевна. Примерно с этого времени и даже несколько раньше Мария Васильевна начинает заниматься перепиской песен, и среди материалов, сохранившихся в архиве Киреевского, большое количество текстов переписано ее рукой.

В одном из писем Киреевского к сестре, посланном после переезда в Киреевскую Слободку, упоминается и об этом:

1 декабря 1837. К. Слободка.

«У нас тут выпал снежок, хотя еще и небольшой; как-то у вас? Напишите, пожалуйста, поаккуратнее, что у вас делается? Посылаю к тебе мужика с бумагой для песен; но песни тут, между нами будь сказано, больше взяты предлогом, а ты не торопись их писать, потому что они мне еще будут нужны не очень скоро; а если скоро собираетесь, то и совсем не пиши, а передай нашим долбинским. Между тем надеюсь, что поспею вас провредить. Пуще всего хочется знать, что у вас делается, а через почту вести идут слишком долго, и я до сих пор еще ничего не получал. Этому мужику приказано проехать в Долбино, но нигде долго не прохладиться, а сейчас же возвращаться ко мне с вестями. Поэтому ты пиши с ним ко мне как можно побольше; но писание письма не откладывай, а пиши скорее. Взад и вперед 180 верст — не безделица! Это расстояние несносно скучно...»⁵⁹

В приведенном отрывке письма сказано о том, что Мария Васильевна может сама не переписывать песни, а передать «нашим долбинским». Кто эти долбинские? По переписке Елагиных — Киреевских удалось установить, что еще в 1820-х годах, а может быть и раньше, в Долбине была создана школа из крепостных крестьян, очевидно, юношей и девушек, которых обучали читать и писать, чтобы использовать их в качестве писарей. Вероятно, именно эти люди переписывали литературные работы самих Елагиных, а также многие другие, в том числе и художественные произведения.

«ПРАВИЛА КАК ПИСАТЬ»

Были разработаны П. В. Киреевским для записей песен, 1830-е годы
Автограф не установленного лица
в архиве Киреевского
Библиотека СССР им. В. И. Ленина,
Москва

Еще в 1826 г. Киреевский писал об этом матери: «Университет долбинский здравствует и благоденствует, в нем теперь находится около пятнадцати человек студентов мужского и женского пола, которые все уже пишут очень порядочно и хорошо. Но метода долбинского Сократа незавидная, потому что немногие еще складывать умеют, хотя хорошо пишут. Папенька намерен дать ему некоторые наставления в этом отношении и по следующей почте прислать вам несколько автографов долбинских каллиграфов»⁶⁰ («Сократ» — очевидно, Иван Васильевич Киреевский).

В архиве Киреевского сохранилась также инструкция о том, как надо переписывать песни. Вот ее текст:

Правила как писать:

1. Каждую строку начинать прописною буквою.
2. Знаки ставить, где они означены.
3. Там в строке, где стоит //, нужно делать две строки или стиха.
4. Там, где проведены под словами черты ≡, нужно те слова помещать в другой строке.
5. Те слова, которые на конце стиха так подчеркнуты, нужно ставить в начале другой строки или повторять в другом стихе.
6. По окончании песни нужно оставлять ту осьмушку, на которой она пересылалась.

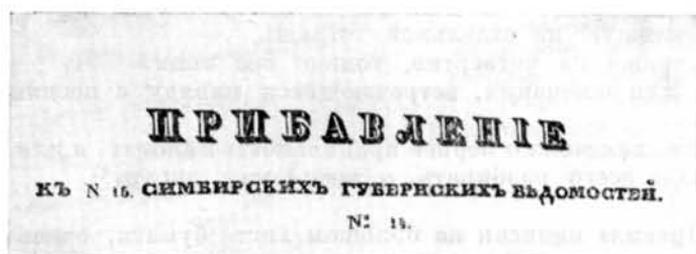
7. Сказки переписывать на четвертке листа, оставляя почти в половину поля и каждую на отдельной тетради.
8. *Стихи* также на четвертке, только без поля.
9. Загадки или замечания, встречающиеся наряду с песнями, не переписывать.
10. Наблюдать как можно вернее правильность в словах, а для этого нужно прежде всего разбирать, а потом уже писать⁶¹.

Текст «Правил» написан на большом листе бумаги, очень небрежно. Возможно, он относится к позднему времени, но тем не менее крайне интересен для изучения песен из Собрания Киреевского, которые сохранились в нескольких списках.

К началу 1838 г. Киреевский подготавливает к печати одну из частей сборника, задуманного еще по плану, разработанному при участии Пушкина. Это «Песни свадебные», которые переписаны для печати в так называемые «Зеленые тетради»⁶². Первая из этих тетрадей была процензурована Снегиревым 5 марта 1838 г. В этой тетради почти нет записей, доставленных Языковым. Получив от Языкова огромное количество песен, Киреевский берет только пять текстов, которые, судя по месту записи (Оренбургская и Симбирская губ.), можно отнести к этой коллекции. В первой из «Зеленых тетрадей», одобренной к печати цензурой, подбор песен сделан преимущественно из материалов собрания Пушкина, Соболевского и самого Киреевского. Около половины песен взято из печатных источников, над которыми работал Соболевский, а затем Киреевский по указаниям Пушкина. Вторая часть состоит из записей Пушкина и главным образом из материалов, собранных Киреевским в Московской, Тверской, Новгородской губ., и некоторых других, полученных им, очевидно, через родственников. Мы можем вполне определенно сказать, что первая «Зеленая тетрадь», имеющая заглавие «Русские народные песни, изданные П. Киреевским. Часть 1. Песни свадебные» и пометку цензора Снегирева от 5 марта 1838 г., является одной из частей того сборника, который был задуман Пушкиным и Соболевским.

Вторая «Зеленая тетрадь», сохраненная Марией Киреевской, не закончена. Отдельные листки из нее в настоящее время разбросаны по самым разным папкам огромной коллекции Киреевского, поэтому судить об этой тетради довольно трудно. Ясно только, что, несмотря на разрешение цензуры, работа над изданием была приостановлена. Исследователи до сих пор не могут найти удовлетворительного объяснения этому факту. Изучение архивных документов проливает свет на этот вопрос, хотя и не решает его окончательно. В самый разгар работы, когда уже все было подготовлено и отпечатаны пробные листы, Киреевский вынужден был прервать ее для того, чтобы сопровождать за границу больного Н. М. Языкова. А. М. Языков сообщает своему другу В. Д. Комовскому в письме, отосланном 1 июля 1838 г. из Симбирска: «Вам уже известно, что брат Н. М. уехал в М(оскву) лечиться; тамошний лекарь предложил ему ехать за границу. Через неделю он отправляется с П. В. Киреевским и лекарем на Петербург, Ригу и т. д. в Берлин и далее»⁶³. Поездка за границу послужила непосредственной причиной того, что издание песен было отложено. Немаловажно и то, что Киреевский истратил на путешествие большую часть своих средств, предназначенных для публикации песен. Вернувшись домой весной 1839 г., Киреевский, казалось бы, должен был возобновить работу над изданием первого тома; однако он ничего не предпринимает для этого.

Еще до отъезда за границу Киреевский собирался одновременно с первым томом песен издавать духовные стихи (см. ниже письмо А. М. Языкова к Комовскому от 20 марта 1838 г.). Живя с Языковым за рубежом, Киреевский, как мы увидим далее, расширяет свои фольклорные связи и

ПРИБАВЛЕНИЕ К № 15 СИБИРСКИХ
ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ, 1838

Заголовок

В этом номере «Прибавлений» была впервые опубликована «песенная прокламация»

П. В. Киреевского, Н. М. Языкова и А. С. Хомякова

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

продолжает работать над песнями. Весьма вероятно, что там он приходит к выводу о необходимости заново пересмотреть план публикации всего Собрания.

О том, какие планы были у Киреевского ранее, известно из его переписки с Н. М. Языковым, относящейся к 30-м годам и опубликованной М. К. Азадовским. В одном из писем Киреевского — от 21 февраля (1834 г.) — читаем: «Я думал было сначала начать печатание со стихов и песен исторических, потом приступить к балладическим, и т. д., но теперь, мне кажется, лучше начать обратно, т. е. с *элегий*, как легче других обходящихся без примечаний, чтобы хоть несколько выиграть времени для труднейших. Разряды я разобрал следующие, для которых еще, впрочем, не приискал приличных названий: в этом ты мне помоги. 1) Элегии любовные. 2) Романы. 3) Баллады. 4) Свадебные, хороводные и вообще обрядные. 5) Войнственные, разбойничьи и солдатские. 6) Исторические и наконец 7) Стихи религиозные»⁶⁴.

Подготавливая названный выше сборник песен («Зеленые тетради»), Киреевский в основном следовал этому плану, начав осуществлять его с четвертого раздела (свадебные песни), в чем помогал ему С. А. Соболевский.

Но в конце 30-х годов, когда Собрание Киреевского значительно пополнилось духовными стихами и историческими песнями, прежде всего за счет коллекции Языковых, Киреевский вновь возвратился к мысли начать издание с духовных стихов. Предполагая в них наличие пережитков языческих верований, он относил духовные стихи к наиболее древним памятникам народной поэзии. Возможно, что на это ориентировал его в свое время и Пушкин, ценивший поэтические достоинства духовных стихов, или, как он их называл, «легенд». В «Путешествии из Москвы в Петербург» Пушкин писал, что следовало бы поговорить «о наших народных легендах, которые до сих пор еще не напечатаны и которые заключают в себе столь много истинной поэзии. Н. М. Языков и П. В. Киреевский собрали их несколько etc., etc.»⁶⁵. В то время, когда были написаны эти строки (1833—1834 гг.), Киреевский обладал еще сравнительно небольшой коллекцией духовных стихов и, как видим из его письма к Н. М. Языкову, не располагал временем для подготовки к публикации «труднейших», по его словам, произведений народного творчества.

Теперь же, в конце 30-х годов, сосредоточив в своих руках большое количество фольклорных материалов, имея опыт работы над ними, Киреевский решил провести в своем издании последовательно исторический

принцип, разумеется, так, как он его понимал, т. е. начать печатание с духовных стихов, былин и исторических песен.

Публикации духовных стихов предшествовали годы жизни и деятельности Киреевского, недостаточно полно освещенные в литературе о нем. Для устранения этого пробела обратимся к архивным данным, в частности, к переписке братьев Языковых — Петра, Александра и Николая.

После смерти Пушкина Киреевский особенно близко сходитя с Николаем Языковым, как самым верным помощником в деле собирания песен. Зимой 1837/38 г., окончив подготовку первого тома свадебных песен к печати и отослав их в цензуру, он едет в Симбирск для того, чтобы на месте познакомиться с собирательской работой Языковых, а затем вместе с Н. М. Языковым вернуться в Москву, где тот должен был лечиться и одновременно помогать своему другу в издании песен. Приехав в Симбирск, Киреевский знакомится с материалами, собранными Языковыми, записывает песни сам, пишет вместе с Н. М. Языковым «Песенную прокламацию», которую они публикуют в «Симбирских губернских ведомостях»⁶⁶, занимается изучением архивов симбирских помещиков. Он находит в них ряд ценных исторических документов и задумывает издание «Симбирского

ким прибавилось, или колосья при четырех-кратном стирании, почти всё отбываются от соломы, и наконец рваная солома, оставаясь в прядях или горстах дружною и прямою, сбывалась лучше и прочнее для крыш.—

Орловский помещикъ А. Буришевъ.

II ЧАСТНЫЙ ИЗВЕЩЕНИЕ. О собираніи Руских народныхъ Песенъ и Стиховъ.

Желаю сохранить остатки нашей народной Певзны, особенно Песни и такъ называемыя Стихи, мы собрали въ течение нѣсколькихъ лѣтъ и приготовили къ печати большое ихъ количество. Опытъ намъ показалъ, что необходимо сдѣлать собираніемъ стихъ драгѣйшихъ остатковъ старины, яркѣе исчезающихъ изъ памяти народа съ перемѣною его нравовъ и обычаевъ; что важно и въ этомъ дѣлѣ общее участіе всѣхъ дорожащихъ спасеніемъ нашей своеобразной сложности отъ конечнаго ея истребленія и что для познанаго изданія Песенъ и Стиховъ необходимо, чтобы они были записаны вѣдѣ, гдѣ это возможно.

При записываніи Песенъ особенно могутъ быть полезны люди престарѣлыя; они болѣе дорожатъ вѣрностью дошедшихъ до нихъ Песенъ и менѣе подвергались нововведеніямъ. Записывать должно сначала со словъ вѣдомъ, обративъ съ голоса; ибо люди привыкшіе пѣть Песни, обмолви-

вно лучше вспомнить ихъ, когда поють, нежели когда съмыслятъ.

Песни, которыя поются въ народѣ, должны быть записываемы слово въ слово, всѣ безъ изыятія и разбора, не обращая вниманія на ихъ содержаніе, яркость, неспладность и даже кажущееся безъ смысла; иногда похвально сдѣлывается частіе нѣсколькихъ Песенъ въ одну и истинная Песня открывається только при сравненіи нѣсколькихъ списковъ, собранныхъ въ различныхъ мѣстахъ.

Стихи, какъ бы «*Поларъ Убелодъ*», «*Объ Алексѣ Божеслѣ Угелодѣ*», «*Страшнѣе Судъ*», «*Ворисъ и Губо*» и проч. поются инѣмъ, особенно сдѣланы, (всего чаще наярмалъ) и вообще простояудинами во время постова. Записывать ихъ также удобнѣе сперва со словъ, а потомъ повторить съ голоса. Они заслуживаютъ особенное вниманіе потому, что иногда издаваемы не были, хотя заключаютъ въ себѣ выскую поэзію предмета и выраженія.

Надѣясь, что соотвѣтственная наша примуть участіе въ этомъ обществениомъ дѣлѣ, мы покорнѣе просимъ доставить Стихи и Песни въ Г. Симбирскъ на имя Г. Гиттенфервальтера Петра Михайловича Языкова.

П. Киреевскій.
Н. Языковъ.
А. Холмоговъ.

«О СОБИРАНИИ РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН И СТИХОВ»

«Песенная прокламация» П. В. Киреевского, Н. М. Языкова и А. С. Хомякова
«Прибавление к № 15 Симбирских губернских ведомостей», 1838
Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

сборника», которое и было осуществлено в 1845 г. в Москве при участии П. М. Языкова, В. А. Елагина и Д. А. Валуева⁶⁷.

Из письма А. М. Языкова, посланного Комовскому 20 марта 1838 г., мы узнаем о планах Киреевского публиковать фольклорные материалы: «Я уже писал вам о приезде сюда П. В. Киреевского; он зазимовал здесь по причине распутицы и теперь разбирает наши семейные архивы: рукописей свезли ему множество, и, кажется, поездка его в С<имбирск> будет полезна и в историческом отношении. Все, что соберет в С<имбирске>, будет издано под названием С<имбирского> сборника. Интересного открывается много. Видя такое археографическое радушие нашей публики, он полагает съездить сюда еще раз и осмотреть городские и церковные архивы; для этого можно будет выпросить ему полномочие свыше. Я уведомлю вас обо всем, что он откроет».

Песен 1-й том уже возвратился из цензуры и поступит в печать в мае. Всего набирается томов 10 на первый случай. Вместе с 1-м томом песен хочет он печатать стихи; но не знает, позволят ли: в них народная фантазия часто отступает от исторической истины и рассказывает на свой лад; он особенно опасается за легенды духовного содержания. Не можете ли вы сделать нам одолжение: узнать стороною, основательны ли опасения Петра Васильевича и каким путем вернее достигнуть позволения? Без духовной цензуры, вероятно, не обойдется!

Приезд Киреевского оживил собирание песен; многие дремавшие деятели снова очнулись и сделали зависящие от них распоряжения»⁶⁸.

В мае 1838 г. Киреевский возвращается вместе с Н. М. Языковым в Москву и вскоре уезжает с ним за границу. Об этом периоде жизни Киреевского мы находим интересные данные в переписке братьев Языковых с В. Д. Комовским.

В. Д. Комовский (1803—1851) известен в литературе как переводчик «Истории древней и новой литературы» Фр. В. Шлегеля (2 ч., СПб., 1829) и как видный чиновник, занимавший посты в Цензурном комитете, в Главном управлении цензуры, а с конца 30-х годов — пост директора канцелярии Министерства народного просвещения. Языковы очень ценили дружеские отношения с Комовским, который был хорошо осведомлен в литературной жизни столицы и оказывал помощь в продвижении в печать произведений Н. М. Языкова.

Признавая заслуги Киреевского, Языковы выражают нетерпение по поводу затянувшегося издания песен. Видимо, не понимая до конца научных планов и интересов Киреевского, его метода работы над текстами, А. М. Языков пишет Комовскому 4 мая того же года:

«Киреевский чрезвычайно копиток; Сахаров начал уже печатать собрание песен, а он все копается; собрание Киреевского, конечно, больше, у него уже набрано томов на 10, по его счету, но всё Сахарова собрание ему помешает много. В археографическую к<омиссию> Киреевского ничем нельзя заманить — он всякой службы боится как огня. Здесь мы с ним отрыли много интересных книг (напр., разрядную) и бумаги; список вам скоро доставлю. В Москву с ним мы ничего не отпустили — пусть прежде напечатает хотя 1-й том песен, который был уже в цензуре. Стихи он обещался переписать и доставить вам для описанного вами поступления; мы будем его попускать — иначе он просидит, а какой-нибудь пустозвон напечатает два стиха и все дело испортит. В Муром и Карачарово он думает съездить, и когда соберется, то попросит вас о приказе от Сергея Семеновича: Киреевского очень обрадовало ваше старание и готовность Уварова пособить ему»⁶⁹.

В этом письме любопытно известие о намерении Киреевского съездить на родину Ильи Муромца (в Муром и Карачарово) — еще один штрих

для характеристики Киреевского-фольклориста. Представляет интерес и следующее письмо А. М. Языкова к Комовскому:

1 июня 1838 г. Симбирск.

«... Песни Киреевского опять останутся до поры до времени; у него их всё прибывает: Сахарова собрание перед его — ничто. Жаль только, что теперь путешествие опять мешает ему печатать, а то 1-й том у него готов. Он вам покажет и объяснит при свидании в Петербурге, он делатель званый и каких у нас на Руси мало; с полною любовью к своему делу, с полным самоотвержением и преданностью. Он живет больше в прошлом и вовсе не думает о волнующем настоящем»⁷⁰.

О пребывании Киреевского за границей и о характере его работы над Собранием песен мы узнаем также из писем А. М. Языкова Комовскому:

9 октября 1838 г.

«По словам П. В. Киреевского, можно надеяться, что сия поездка в Неметчину будет иметь счастливый конец, к величайшему удовольствию нашему и всей читающей публики вообще. Киреевский и там приводит в порядок и соображает свои песни с песнями прочих певучих народов; он скупил себе все, что относится к его части. Странно, что в Гриммовом собрании немецких сказок есть почти все русские и „Ж<ар>-П<тица>“ не все-де такая, как наша, но все-таки та же самая; брат намерен ею воспользоваться при пересмотре и поправлении»⁷¹.

1 февраля 1839 г.

«П. В. Киреевский выехал из Г<ана> на Прагу, Киев и т. д., ему хочется еще раз повидаться со славянами; в Германии он запаса всеи собраниями песен других народов и все это будет сличать и соображать дома на досуге»⁷².

Итак, Киреевский после поездки за границу начинает заниматься сравнительным изучением песен. В его архиве сохранился большой список книг по фольклору, привезенных из-за границы и находившихся ранее в его библиотеке. Здесь можно увидеть почти все новейшие издания фольклорных материалов: английские, шведские, испанские, датские, немецкие, польские и другие. Часть его библиотеки сохранилась в Государственном музее И. С. Тургенева в Орле, но большая часть книг пропала.

В одном из последних писем А. М. Языкова к Комовскому говорится о возвращении Киреевского на родину и его намерении издавать сборник песен.

9 апреля 1839 г. Станишное.

«... П. В. Киреевский еще при нас возвратился в Москву; он объездил всех славян и хотел скоро приступить к печатанию 1-го тома песен; о стихах он будет сноситься с вами и воспользуется счастливым положением, в котором вы находитесь»⁷³.

Пока Киреевский был в отъезде, Языковы, и в особенности Петр Михайлович, проводят большую работу по собиранию песен. Об этом пишет А. М. Языков к Н. М. Языкову 13 августа 1838 г. из Станишного: «Старик Петр Михайлович в Головине записал множество стихов, совершенно новых, и песен, небывалых под пером собирателей; заглавия стихов и счет песен он сам доставит: это его заслуга; его добро! Петр Васильевич может быть покоен, важное дело и во время его отсутствия идет успешно. Верно, он и за границей занимается подготовкой и по возвращении приведет в движение многие станки типографические. Петру Михайловичу доставил

еще некто Минаев несколько песен удивительных, особенно одна из них привела в исступление всю симбирскую публику; губ(ернатор) просил позволения доставить ее Блудову с эстафетою; брат, разумеется, не дал! — это следствие объявления в „Симбирских ведомостях“»⁷⁴.

Языковы постоянно информировали Киреевского о своей собирательской работе, надеясь, что он поживет за границей и там будет готовить песни к публикации. Но Киреевский спешил на родину и с нетерпением ждал П. М. Языкова, который должен был заменить его и остаться у больного брата. 14 декабря 1838 г. Киреевский писал матери из Ганау: «С нетерпением жду Петра Михайловича и, при всей моей благодарности за его песни и столбцы, не погружусь в них и поеду назад. Только боюсь, чтобы он не замешкался где-нибудь на дороге; особливо в Петербурге»⁷⁵.

Вернувшись в Россию, Киреевский ненадолго задерживается в Москве и затем едет в Киреевскую Слободку.

Друзья Киреевского стараются ему помочь в издании песен, о чем свидетельствуют письма А. М. и Е. М. Языковых к Н. М. Языкову 1839—1840 годов.

1 апреля 1839 г. Станишное.

«... Петр Васильевич обещал скоро начать печатать песни, известий еще нет, он, верно, еще разбирается; я предлагал ему денежное пособие на первый том, он сказал, что едва ли будет нужно»⁷⁶.

23 апреля 1839 г. Станишное.

«... Мария Васильевна пишет, что Петр Васильевич слабо приступает к печатанию песен, и советует прислать ему денег. Я узнаю, сколько нужно, можно нам общими силами поддержать дело почти общее»⁷⁷.

От денежной помощи Киреевский отказался, но друзья его всё еще не теряют надежды на издание им песен, и в письмах А. М. Языкова к брату находим еще упоминания о песнях:

21 декабря 1840 г. Симбирск.

«... П. Киреевский обещает скоро прислать 1-й том песен, у него-де все томы готовы к печати»⁷⁸.

Последнее письмо как будто свидетельствует о возобновлении работы Киреевского по подготовке издания. Но вот что пишет А. П. Елагина Ивану Киреевскому 21 апреля 1841 г.: «Петр был сам, своей персоной у тебя в Долбине, милый Иван, и ты, надеюсь, успокоился насчет его великолепного молчания. Когда десять лет лежат перед ним песни, которые издать необходимо для собственного спокойствия, когда полтора года куплена для них бумага, три года пропущены цензурой — и он все собирается, то можно же простить ему несколько лет пропущенных»⁷⁹.

Приведенный выше отрывок из письма Авдотьи Петровны достаточно ясно характеризует состояние работы Киреевского над Собранием песен. Он фактически отказывается от издания подготовленных к печати свадебных песен, о которых пишет А. П. Елагина, и проявляет в данном случае упорство и настойчивость в осуществлении выработанного им плана начать издание с духовных стихов и исторических песен и лишь в завершение всего обратиться к публикации песен лирических и свадебных.

Собрание песен Киреевского к этому времени приобретает всё большую и большую известность. К нему продолжают стекаться всё новые и новые материалы от друзей, знакомых, а часто и неизвестных ему собирателей. В подтверждение приведем здесь отрывок из письма К. Д. Кавелина, старо-го друга Елагиных, который сообщает В. А. Елагину:

26 июля 1840 г. Иваново.

«... Недавно открыл я, что по соседству от меня поются старинные песни. Ты можешь себе представить, что я не мог пропустить такого благоприятного случая и собранные песни посылаю Петру Васильевичу, которому они, наверно, понравятся и будут полезны. С собою привезу гораздо больше»⁸⁰.

Имя Киреевского как собирателя песен стало широко известно. Старые друзья просят его прислать песни для публикации в периодических изданиях и пользуются его услугами для посылки за границу имеющихся в России песенных изданий. Очень интересно в этом отношении одно из писем Максимовича, который в свое время впервые напечатал песни из Собрания Киреевского. Письмо послано после встречи с Киреевским в Киеве, состоявшейся по возвращении его из-за границы:

«Любезный друг Петр Васильевич! В ожидании обещанного тобою письма, я, давно желавши писать к тебе, молчал, тем более что не знаю и теперь даже, где найдет тебя эта страничка. Она, во-первых, известит тебя, что начало болезни, с которой ты видел меня, сильно развилось во время поста и лета, так что я полгода целые не выходил почти, но при этом и дома не мог ничего работать..... и кое-как только смог дотянуть тиснение первой части моей истории. Узнавши твой адрес, я доставлю тебе ее вместе с твоими книжонками червоннорусскими. За присланные книги благодарю тебя: из них, однако, я Снегирева и Сахарова отправил Шафарику; Чулкова, если нет у тебя лишнего, мне и не присылай; ибо я Абевергу имею. Пришли лучше мне для предпринятого мною „Киевского альманаха“, кн. 8, несколько народных песен, какие, по-твоему, особенно хороши и любопытны в эстетическом отношении и вместе историческом. Если бы можно, то я просил бы у тебя стих о Голубиной книге или Страшном суде... Впрочем, ты сам лучше знаешь, что лучше будет; и если не поленишься, то приложи и свое замечание, как ты это сделал в тех, кои помещены были в „Девнице“. Не оставь, пожалуйста, безответным моего прошения сего и отзовись скорее.

Что делаешь ты с собою, с своим изданием — мне любопытно будет знать, извести также, что делается с нашим Языковым?.. Если есть у тебя, или можно тебе достать его стихов, то, сделай одолжение, порадей ими для моего альманаха, для которого имею уже в основании стиховной части четыре стихотворения Бенедиктова. Без Языкова стихов не будет полновзвучен он. Попроси брата и от себя, чтобы он мне прислал что-нибудь своего, и если будет возможность, достаньте что-либо от Хомякова и Баратынского. Тебя я просил о песнях; но если бы ты захотел, то мог бы удружить мне и собственным писанием. Засим прошу тебя еще передать мой душевный поклон Машеньке-сестрице и не забывай преданного тебе

Максимовича.

Кланяется тебе сестра моя.

30 августа 1839. Киев»⁸¹

Приведем еще одно письмо тех же лет украинского фольклориста И. И. Березцкого, в котором он благодарит Киреевского за присылку сборника песен Сахарова:

«Высокочтений господине!

Вже давно желав я под'яковати вам за прислани мені до Львова книжки, але николи не було способности, аж тепер будучи в Кракове маю честь написати вам кілька букв под'яки за учинений нам подарок. Маю я тепер зобраних дуже пісень, розмаитой основи: розкажет господине а що оно потреба, пришлю абы тільки знав, як? Зготовили ми пісні руські, але

нема капіталу на печатання. Если бы можно Сахарова ще дещо красно просив быть. Часть 1 и 2-у а 3-ої тільки 2-гу книгу, з вашої ласки маю. Поручаючися вашої пам'яті зістаю вашим

униженім слугою
Иван Ив. Березцкий

Краков 15/27 серпня 840.

NB Сли бы сте рачили даколи до мене писали, прошу адресовати на брата мойого <...>

Так письмо до мене дійде»⁸².

Из писем Максимовича и Березцкого видно, что Киреевский поддерживал связи с украинскими фольклористами, стараясь оказать помощь в их работе.

* * *

40-е годы были наиболее трудным периодом в жизни и деятельности Киреевского. В эти годы происходит его сближение со славянофильскими кругами. В истории русской фольклористики славянофильству Киреевского посвящено немало страниц, что избавляет нас от необходимости повторять уже известные факты. Отметим лишь, что приверженность Киреевского славянофильским идеям нельзя отождествлять со взглядами сторонников официальной народности. Разграничение между ними очень четко провел М. К. Азадовский, который указывал, что «Киреевский отнюдь не был реакционером или выразителем идей официальной народности. Он отрицался отрицательно к николаевскому режиму, ненавидел всякий абсолютизм и всякие формы угнетения, но он противопоставлял этому строю не прогрессивные идеи, которые в разных формах были уже освоены русским обществом, но идеалы, опиравшиеся на прошлое»⁸³.

Насколько эти идеалы отразились в деятельности Киреевского как фольклориста? Ответить на этот вопрос довольно трудно, потому что Киреевский никогда не выступал в качестве теоретика славянофильской фольклористики, подобно К. С. Аксакову или А. С. Хомякову. Он не написал ни одной работы, где бы отстаивал взгляды славянофилов на фольклор. Более того, его единственная прижизненная публикация песен в славянофильском издании («Московский сборник 1852 года») сопровождалась статьей Хомякова и лишь небольшой заметкой самого Киреевского, содержащей главным образом фактические данные о песнях. Некоторое отражение славянофильских идей можно обнаружить порой в его переписке, но там же мы встречаем и противоположные славянофилам взгляды, например, отношение к фольклору как к «живой народной литературе». Стоит вдуматься в это меткое определение и сравнить его с другими (например, с более поздним — «живая старина»), чтобы оценить по достоинству взгляды собирателя на поэтическую культуру народа.

Известное влияние славянофильства можно усматривать в стремлении издать духовные стихи, в частности в предисловии к ним, написанном Киреевским. Подчеркивая исключительное значение песен в жизни русского народа, Киреевский вместе с тем выдвигает в качестве основного критерия эстетической ценности произведений народной поэзии их древность. Сожалея о том, что «вся их красота — уже старина» и «эта старина уже не возрождается», собиратель пишет о губительном влиянии на народную песню городов и «промышленной деятельности», о «нравственной порче», которой подвергается прекрасная русская песня⁸⁴.

10 Октября

М. В. Киреевская и Е. А. Влагина

М. В. КИРЕЕВСКАЯ и Е. А. ВЛАГИНА

Рисунок пером В. А. Жуковского, 1839

Исторический музей, Москва

Эти мысли, несомненно, импонировали славянофилам, рассматривавшим это издание как свое или, во всяком случае, как отвечающее их взглядам и интересам.

Мы уже отмечали, что издание духовных стихов было задумано задолго до появления славянофильства как идейного течения и независимо от него. Вполне понятно поэтому, что в предисловии лишь один абзац посвящен «благочестию» народа и написан не столько для обоснования славянофильских идей, сколько для того, чтобы уберечь стихи от преследований цензуры и убедить ее, что «ошибки» в духовных стихах «конечно, никого не введут в соблазн»⁸⁵.

О завершении работы над духовными стихами мы узнаем из переписки Киреевского и близких ему лиц, продолжавших торопить его с подготовкой рукописи к печати и помогавших ему в ее прохождении через цензуру.

31 мая 1842 г. А. М. Языков пишет Н. М. Языкову за границу: «Петр Васильевич приехал в Москву, привез стихи: просит меня написать об них Комовскому, который их доставит для предварительного <показания> Уварову»⁸⁶.

21 июня того же года А. М. Языков сообщает Комовскому: «П. В. Киреевский все собирается послать вам стихи, я дал ему письмо, без которого он не решается вас беспокоить». 11 августа он вновь уведомляет Комовского: «Киреевский обещается скоро выслать стихи, мы его сильно беспокоим; он вроде тех, которые в „Мертвых душах“ названы байбаками»⁸⁷.

Осенью 1842 г. Киреевский работает над духовными стихами, о чем 11 ноября 1842 г. он пишет В. А. Елагину: «Я все это время сидел над песнями, которые потекли было превосходно; но увя! Теперь опять на несколько времени остановились, потому что у меня поселился сходящий с ума Подберезский, который мне мешает, надеюсь, однако ж, как-нибудь уладить. Покуда еще не уладил и поэтому тем меньше могу сказать, когда ты получишь первый том, авось-либо все-таки получишь»⁸⁸.

К весне 1843 г. рукопись духовных стихов была подготовлена и выслана Комовскому, который должен был показать их министру просвещения С. С. Уварову. В сопроводительном письме А. М. Языкова к Комовскому было сказано также, что Киреевский «недавно получил» большое собрание белорусских песен⁸⁹.

Об отсылке в цензуру первого выпуска песен (духовных стихов) пишет также Е. А. Елагина из Москвы своему отцу в деревню:

20 июня <1843 г.>

«На прошлой неделе Петруша отправил через Языкова цензурировать свои песни к Уварову, а теперь пронесся слух, будто Уваров в отставке, а на его место метит г-н Протасов. Это очень сокрушает Петра — он боится, что его песни не пропустят, и говорит — уже, видно, не судьба. Но авось ему еще пропустят их»⁹⁰.

Итак, основная работа над первым выпуском песен была закончена, и Киреевский мог спокойно уехать в Киреевскую Слободку, где он вел хозяйство в своем небольшом имении, возвращаясь на зиму в Москву для литературных занятий.

Московские зимы Киреевского 1840—1844 гг. были заполнены оживленными спорами и дискуссиями между западниками и славянофилами, развернувшимися в литературных салонах Москвы. «В понедельник собирались у Чаадаева, в пятницу у Свербеевых, в воскресенье у А. П. Елагинной», — вспоминает Герцен в «Былом и думах»⁹¹. К этому можно добавить еще среды у И. В. Киреевского и с осени 1843 г. вторники у Н. М. Языкова, где собирался примерно тот же круг лиц, хотя в меньшем составе,

но с участием и Герцена и Киреевских. Центром же этих литературных вечеров был дом Елагиных, о чем сохранились свидетельства в их переписке. Ряд интересных сведений мы находим в письмах младшей дочери Елагиных — Елизаветы Алексеевны, которые она посылала из Москвы к отцу, проводившему много времени в деревне, — в Долбине и Петрищеве. В письмах она не называет никого из семьи Киреевских — Елагиных, сообщая только о посторонних лицах, которые приходили к ним на вечера.

В письме от 2 ноября 1842 г. встречается упоминание об известных рисунках Э. А. Дмитриева-Мамонова, изобразившего посетителей салона Елагиных и среди них П. В. Киреевского: «Мамонов нарисовал множество карикатур — таких смешных и таких похожих, что просто удивительно»⁹².

В письме, отосланном до 18 ноября 1842 г., читаем: «Сегодня, т. е. теперь, у нас Свербеев и Аксаков, очень горячо спорят о статьях Хомякова и вообще об обязанных крестьянах и что с ними связано. Аксаков обещал нам достать „Современника“, и тогда я спишу тебе стихи Жуковского — хотя они, как говорят, очень дурны, очень длинные. Тут описана вся русская история, но 12 год забыт, а Аксаков горячится не о том, что 12 год забыт, но что Москва забыта, т. е. о Москве в стихах нет и помину. Бедная Москва!

Вчера у нас вечером сидел Грановский и привез представить Херцена, который тебе, верно, понравится. Он похож на А. Веневитинова, но, впрочем, недурен собою. Вчера видно, что ему было неловко и что он был смешон. Грановский так его любит и так хвалит, что, верно, в нем есть что-нибудь необыкновенное»⁹³.

Елагина имеет в виду стихотворение Жуковского «1 июля 1842 года», напечатанное в «Современнике» за 1842 г. (т. XXVIII, стр. 105—113) и посвященное очередному празднованию дня бракосочетания Николая I. Характерно, что верноподданнические стихи Жуковского не встречают сочувствия даже в кругу близких ему людей. Письмо интересно тем, что в нем говорится о первом посещении Герценом салона Елагиных. Тогда и состоялось его знакомство с Киреевским. В 1842—1844 гг. круг постоянных посетителей салона Елагиных определился. В переписке названы имена наиболее видных представителей и славянофилов и западников.

<22 ноября 1842 г.>

«Сегодня у нас были Чаадаев, Дмитриев, Херцен, Свербеев, теперь спор идет весьма жаркий о чем-то юридическом <...> Херцен теперь гораздо мне лучше понравился, видно, в первый раз он был смешон, инжирован, теперь он говорит не так протяжно и вообще любезен».

<Без даты. 1842 г.>

«Сегодня у нас премноголюдное воскресенье <...> Титовы, Чаадаев, Хомяков, Свербеев, Херцен, Аксаков, Ал. Мих. Языков».

22 февраля 1843 г.

«Вчера было у нас очень много и было шумно, кажется, и весело, несмотря на то, что не было Хомякова <...> Вот кто был у нас вчера — первую надо назвать m-me Херцен как незнакомое для тебя лицо и первый раз бывающее у нас. Она недурна собой и очень миленькая. Она всем понравилась очень, даже Свербееву, который очень взыскателен. Потом были Херцен, Галахов, Грановский, Кетчер, Бабарыкин, Аксаков, Языков, Свербеев и Ванюша; Грановский привез восемь новых чудных пьес Лермонтова, которые Кетчер прочел нам вслух, и потом мы успели переписать — однако их не посылаю, потому что ты сам будешь скоро».

19 марта <1843 г.>

«Вчера было у нас совсем не блистательное воскресенье — только четыре персоны: Свербеев, Хомяков, Херцен, который все время сидел в задумчивости, что было очень неприятно, ибо это было неловко, но за ужином он, кажется, повеселел немного»⁹⁴.

23 ноября 1843 г.

«Вчера у нас было немного: Свербеев, Крюков, Галахов и Аксаков. Петруша с Крюковым <и Галаховым> всё спорили о развитии. Аксаков туда же совался с Москвою. Спор этот теперь преобладает над другими, иного спора и нет: развитие да развитие».

Следующая выдержка из письма 1843 г., точно не датированного:

«Вот кто у нас был: два Титова, Тургенев, Хомяков, Херцен, Аксаков. Сначала говорили о бенефисе Щепкина и об Гоголе, а потом перешло в Гегеля. Крик был ужасный, Херцен и Аксаков горячились, а Хомяков их поддразнивал...»⁹⁵

Обратимся к Н. М. Языкову, который, вернувшись в августе 1843 г. в Москву, вскоре сыграл неблагоприятную роль в полемике между славянофилами и западниками. Письма Языкова адресованы в Симбирск к его братьям.

6 августа 1843 г.

«...Я познакомился с К. Аксаковым, пылким рыцарем Москвы и Руси! Авдотья Петровна бывает у меня ежедневно. Ни Ивана, ни Петра Киреевских еще нет в Москве. Петр будет в конце августа. Песни он, дескать, послал к Комовскому».

14 октября 1843 г.

«...Получены достоверные известия, что П. В. Киреевский выехал из своей слободки на своих по тракту в Москву: итак, общее ожидание усилилось теперь крайне и превратилось в надежду уверенную в непременно скором своем событии! Между тем Белинский и Петра Васильевича задел бранью в „Отечественных записках“. Хомякова и меня он решительно в каждой книжке поругивает; уж это бы пусть: и Хомяков и я писали стихи и наши имена печатались, а ведь П. В. Киреевский никогда не выходил на сцену — он собирал песни келейно, следовательно имя его не подлежит публичному нареканию»⁹⁶. Письмо написано в самый разгар борьбы славянофилов со своими противниками.

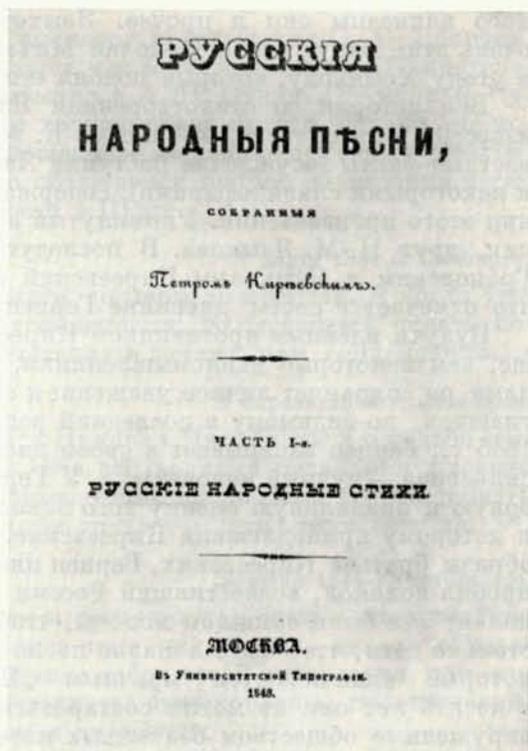
В следующих письмах говорится о литературных вечерах, которые устраивал у себя Языков, и об участии в них Киреевского. Так, 27 октября 1843 г. Н. М. Языков пишет родным: «...Петр Васильевич посещает меня хорошо, постоянно; на будущей неделе, во вторник, открываются у меня вечеринки, чтобы ближайших знакомых принимать однажды в неделю и не всякий день сидеть начеку, ожидая, что кто-нибудь придет, — это несносно, скучно и наводит даже грусть и досаду нашему брату, нервическому терпеливцу!»⁹⁷

Первый из литературных вечеров описан в письме, посланном между 12 и 24 ноября 1843 г.:

«Отвечаю на твое письмо от 24 октября. Вечера мои, вторники, так сказать, начались сего ноября 2 дня — и довольно благополучно, для меня по крайней мере: я устал не более обыкновенного; но это, конечно, оттого, что гостей было немного: Крюков, Герцен, Аксаков и Бабарькин; П. В. Киреевского я считаю своим, а отнюдь не гостем. Споров было мало, шуму и крику вовсе не было; впредь, разумеется, дело пойдет иначе, своим порядком, когда число голосов умножится и когда оные вечера, так сказать, созреют: теперь еще рано. Впрочем, я беру свои меры, чтобы мне во вред не были подобные долгие беседы и многолюдство, ухожу в особую комнату отдыхать и отлеживаться от долгослушания и долгосидения. Это

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ
«РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН»,
СОБРАННЫХ П. В. КИРЕЕВСКИМ
(М., 1848)

Часть I. «Русские народные стихи»
Титульный лист

делать мне тем удобнее и сподручнее, что Петр Васильевич остается вместо меня с посетителями — и всем безобидно. Я, кажется, писал уже тебе, что пища на вечерах покуда не требуется. Зимой, дескать, другое дело, а теперь и чая довольно.

С Васильем Дмитриевичем <Комовским> я снесусь о стихах Киреевского, когда соберусь с духом, а теперь я как-то все еще даже не в своей тарелке, мучимый мазиями и притираниями и проч. Петр Васильевич и о песнях помышляет, говоря, что нынешней зимою не только их вовсе подготовит, но и выставит к изданию вполне»⁹⁸.

Не имея возможности приводить здесь всю переписку, освещающую литературную жизнь салона Елагиных, где постоянно бывал Киреевский, так же, как и переписку Языкова, процитируем еще только письма Е. А. Елагиной, относящиеся ко времени разрыва западников со славянофилами. Поводом к нему, как известно, послужило стихотворение Языкова «К не нашим». Вот что сообщает об этом Елагина:

11 декабря <1844 г.>

«На этих днях Языков написал стихи „К не нашим“, говорят, презлые. Тут есть на всех: на Чаадаева, Херцена, Грановского, Тургенева А. И. Когда достанем эти стихи, я их спишу и пришлю тебе».

15 декабря <1844 г.>

«Милый друг папа! Посылаю тебе стихи Языкова, которые произвели много эффекту. Зачем пишет Языков такие стихи? Все очень на него сердились, тем больше, что они везде были распространены Вигелем, которому дал их Хрипков, не сказавши, что стихи Языкова, а сказавши, будто написал их какой-то студент первого курса. Вигель везде распространял их: у Павловых, Глинок, Дмитриева — и везде с комментариями, на

кого написаны они и прочее. Языковы, особливо Петр Михайлович, счень этим радуются, и Николай Михайлович собирается написать еще в угоду Хомякову, который подбил его написать и первое»⁹⁹.

Вся история со стихотворением Языкова «К не нашим» достаточно известна в литературе, но письма Е. А. Елагиной, подтверждающая уже известные факты (осуждение поступка Языкова не только западниками, но и некоторыми славянофилами), содержат новые сведения о распространении этого произведения. Упомянутый в письме А. Д. Хрипков — художник, друг Н. М. Языкова. В последующем затем столкновении между Грановским и Языковым Киреевский становится на сторону Языкова, что отмечает в своем дневнике Герцен¹⁰⁰.

Будучи идейным противником Киреевского, Герцен понимал его лучше, чем некоторые единомышленники, и, порывая со всеми славянофилами, он сохраняет личное уважение к обоим братьям Киреевским. Встретившись, по-видимому в последний раз, с П. В. Киреевским 23 февраля 1845 г., Герцен записывает в своем дневнике: «Сегодня видел Петра Васильевича — чудный человек!»¹⁰¹. У Герцена мы находим и наиболее глубокую и правильную оценку того поколения дворянской интеллигенции, к которому принадлежали Киреевские. В «Былом и думах», воссоздавая образы братьев Киреевских, Герцен писал: «Им раннее совершеннолетие пробил колокол, возвестивший России казнь Пестеля и коронацию Николая; они были слишком молоды, чтоб участвовать в заговоре, и не настолько дети, чтоб быть в школе после него. Их встретили те десять лет, которые оканчиваются мрачным „Письмом“ Чаадаева. Разумеется, в десять лет они не могли состариться, но они сломились, затаились, окруженные обществом без живых интересов, жалким, струсившим, подобострастным»¹⁰². Именно в этой гнетущей обстановке николаевской реакции, в этой сломленности видел Герцен истоки славянофильства Киреевского. В приверженности Киреевского славянофильским идеям он находил «трагическую грандиозность». «Он жертва, на которую пал гром за его народ», — писал Герцен о Киреевском в 1844 г.¹⁰³ Эти слова оказались пророческими. Дальнейшее развитие событий предрешило судьбу Киреевского и его Собрания песен.

Документы, приведенные ниже, показывают, насколько бесплодными были попытки провести первый выпуск песен через цензуру. Большое участие в этом приняли братья Н. М. и А. М. Языковы, использовавшие свои связи с Кюмовским, как можно судить по их переписке с ним в 1844—1845 гг.

В письме от 22 января 1844 г. из Москвы Н. М. Языков спрашивает Кюмовского: «Нет ли отрадных сведений об участии стихов; сообщите их нам, и да вострепещут радостью наши народностью бьющиеся сердца. Киреевский ожидает со страхом и трепетом.

В здешних так называемых литературных обществах теперь в большом ходу разговоры о нашей народности, о возможности восстановить прошедшее, о необходимости настоящего и будущего, более сообразных с прошедшим и существовавшим русским. Мысли сии живут и все более и более развиваются, принимаются и укореняются в Москве. Сам Чаадаев сказал: „Ваша партия меня ославила западным, а я русский более, нежели кто-нибудь“. Вот успех!»¹⁰⁴

Из письма видно, что Языков тесно связывает издание духовных стихов с проблемой народности, которая так волновала славянофилов. Замечательны слова Чаадаева, цитируемые в письме. Отношение к ним Языкова показывает, что он не понял Чаадаева.

В нижеследующих письмах А. М. Языкова к Кюмовскому излагается дальнейшая история цензурных мытарств рукописи Киреевского. Ру-

копись была передана Комовским министру просвещения С. С. Уварову, а затем в Главное управление цензуры, где была запрещена. Отрицательные отзывы дали о ней А. В. Никитенко и А. Н. Очкин. С Амплием Очкиным Комовский и Языковы были хорошо знакомы, что, однако, не повлияло на его отрицательное отношение к изданию духовных стихов. По письмам можно заключить, что обсуждался вопрос об издании песен Киреевского за границей, в частности в Праге.

1 марта 1844 г. Симбирск.

«Стихи П. В. Киреевского храните до поры до времени, и когда уже убедитесь в возможности или невозможности, то решайтесь искать позволения или возвратите для напечатания в землях, нам соплеменных...»

8 апреля 1844 г. Симбирск.

«Потрудитесь уведомить меня или Николая Михайловича о судьбе стихов, собранных П. В. Киреевским, ибо сей великий печальник древней Руси, опираясь на ожидаемое им разрешение, продолжает бездействовать и не касается собранных песен под тем предлогом, что Стихи еще не...»*

24 июня 1844 г. Станишное.

«Жаль, что Амплий заупрямился и поступил так дико и неприветливо с нашими *Стихами*; тут виделся более чиновник, нежели цензор образованный и желающий сделать возможное добро своей литературе, или, может быть, он вовсе не признаёт достоинства этих народных произведений, и тогда является еще страннейшим и дичайшим.

Мне кажется, ему и опасаться было нечего, зная мнение Сергея Семеновича и соблюдая все формы, в затруднительных случаях употребляемые. Он назовет это характером и независимостью, а это просто упрямство и глухость! Придется отправить в Прагу для напечатания; но позволят ли их ввозить сюда? Вероятно, позволят!»¹⁰⁵

Осенью 1844 г. рукопись духовных стихов вновь была послана в Петербург через Н. М. Языкова, который прибегает к помощи Шевырева. Киреевский узнает о хлопотах Шевырева и в письме от 23 сентября 1844 г. просит мать: «Скажите, пожалуйста, Шевыреву мое усерднейшее спасибо за песни. Авось-либо хоть нынешнюю зиму удастся их тиснуть»¹⁰⁶.

В письме от 30 декабря 1844 г. Н. М. Языков высказывает сожаление, что Киреевский не написал предисловия к изданию стихов. Отсюда можно сделать вывод, что известное предисловие Киреевского было написано после 1844 г. и, очевидно, не ранее 1846 г., когда рукопись вновь вернулась от Комовского:

30 декабря 1844 г. Москва.

«...П. В. Киреевский, знаменитый собиратель русских песен, сделал непростительную ошибку тем, что к изданию *народных стихов* не приложил ни малейшего предисловия. Предисловие смягчило бы и успокоило бы ценсорское на них воззрение и укрепило бы руку, сомневающуюся написать на них: печатать позволяется»¹⁰⁷.

Несколько позже пишет Комовскому А. М. Языков:

20 января 1845 г. Симбирск.

«Брат Николай Михайлович очень благодарен вам за скорое и неприкосновенное пропущение нового собрания его стихов; честь и слава при этом и Амплию Николаевичу, пощадившему их. Странно, что сей доблестный

* Так в подлиннике. — *Ред.*

цензор и муж литературный так долго не разрешает великий вопрос о стихах, собранных П. В. Киреевским, вопрос, с разрешением которого многое связано и от которого многое зависит при ожидаемой победе народности над прочими кромешными направлениями...»¹⁰⁸

Об отказе пропустить рукопись Киреевского мы узнаём из следующего письма А. М. Языкова к Комовскому:

11 марта 1845 г. Симбирск.

«Я получил ваше письмо от 20 февраля. Теперь мы видим, как трудно провести невредимо через цензуру творение наших рапсодов и каких хлопот мы вам наделали. Кажется, и мини<стры> вам не помогут при этом упорстве всех властей предержавших и при этом кривом понимании дела. Лучшее будет обратиться к начальной и более надежной мысли — издать стихи у соплеменных нам народов. Вы сделали всё, что могли и были должны по сердечному расположению вашему к просвещению и народности: видно, судьбе неугодно, или для нас не пришло еще время разума и на нас не сошла еще ясной мысли благодать! Пусть будет так! но все это вредит успехам и поступлению вперед, особливо П. В. Киреевскому, ко всему придирающемуся для ожидания и бездействия»¹⁰⁹.

Наконец, в письме Комовского к Н. М. Языкову рассказывается о последнем усилии Комовского провести через цензуру это издание:

19 марта 1845 г. Петербург.

«Очень жаль, что Шевырев не приехал сюда; я поджидал его, чтоб соединить наши силы на пользу народных стихов. Короче, они не подвигаются вперед, и я решительно не знаю, к чему еще прибегнуть, чтобы спасти их — хотелось бы сдать, да не удастся никак. Не обвиняйте меня; что могу, все делаю — тщетно. Еще одно, последнее усилие, по духовному ведомству — безнадежное и крайнее»¹¹⁰.

Духовная цензура не разрешила издания духовных стихов. Рукопись вновь вернулась обратно. Все старания Языковых, Комовского и даже как будто бы поддержка Уварова не помогли. Этот запрет явился большим уроном для отечественной науки. Вслед за духовными стихами, которые представляют самостоятельную ценность, Киреевский предполагал издать все остальное Собрание песен. Выход в свет духовных стихов рассматривался и Киреевским и братьями Языковыми как начало издания. Так николаевская реакция наложила свою руку на замечательное Собрание песен Киреевского, задуманное им еще совместно с Пушкиным и претерпевшее за эти годы столько мытарств.

На этом завершились хлопоты Языковых об издании песен Киреевского. В 1846 г. умер Н. М. Языков, так и не дождавшийся их публикации. Казалось, уже никто и ничто не могло помочь Языковым и Киреевскому в издании песен.

Наступил 1848 год; революционные события, охватившие всю Европу, всколыхнули и передовые круги русской интеллигенции, вселили надежду на ослабление реакции. В такой обстановке была сделана еще одна, последняя, попытка напечатать народные песни, собранные Киреевским. Поддержку в этом деле составитель получил от выдающегося русского слависта О. М. Бодянского, который в то время был секретарем Общества истории и древностей российских при Московском университете и редактором периодического издания Общества («Чтения Общества...»), пользовавшегося «свободной цензурой».

Вскоре после февральских событий во Франции, которые с восторгом были встречены в среде передового студенчества и преподавателей Московского университета, Бодянский предполагает расширить деятельность Общества и превратить «Чтения...» в ежемесячный журнал, объявив на

МЕЖДУДЕЛЬЕ

или

Собрание образцовых Русских и
иностраных Песен для Семиструнной

ГИТАРЫ.

Составил Павел Андреевич

издатель

Во пользу Господы Любителей
и любителей сего Инструмента

П. В. Киреевский

в С. ПЕТЕРБУРГЕ

у Пана Экспедиции 100 Рублей

Я ввечоръ въ лугахъ гуляла.

№ 6.
Andante.

Но селъ селъ въ деревкѣмъ.

№ 7.
Andante.

«МЕЖДУДЕЛЬЕ» (СПБ., б. г.). ЭКЗЕМПЛЯР, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ П. В. КИРЕЕВСКОМУ
Титульный лист и страница сборника с переложением для гитары песен:
«Я ввечор в лугах гуляла...» и «Во селе, селе Покровском...»
Музей И. С. Тургенева, Орел

него открытую подписку. Наряду с этим он задумывает и публикацию в «Чтениях...» песен Киреевского с тем, что впоследствии они выйдут отдельным изданием. В подготовке публикации песен принимают участие и Языковы, которые выясняют через Комовского, будет ли этому препятствовать Управление цензуры. Вопрос решается как будто положительно. Бодянский, пользуясь правом «свободной цензуры», данным в свое время такому специальному изданию, как «Чтения...», берет на себя ответственность за публикацию песен. В июне 1848 г. в очередном номере «Чтений в Обществе истории и древностей российских...» (кн. 9) в качестве отдельного раздела, с самостоятельным титульным листом, был напечатан первый выпуск народных песен, собранных Киреевским («Русские народные песни, собранные Петром Киреевским. Часть 1-я. Русские народные стихи»).

Историю издания духовных стихов в «Чтениях...» можно проследить по переписке Языковых. 3 марта 1848 г. А. М. Языков пишет Комовскому: «...П. Киреевский прибыл сюда. Общество древностей предлагает ему издать на свой счет песни, им собранные, и по этому случаю возник вопрос, подлежащий и вашему разрешению: можно ли будет напечатать в „Чтениях“ стихи, не говоря, что духовная цензура уже не дозволила печатание оных? Представляли ли вы их в цензуру явно и гласно или только домашним и частным собранием, так что нападения с духовной стороны может и не быть при издании стихов в ученом журнале как древ-

ности невинной? Напишите, как вы думаете?»¹¹¹. Вновь заходит об этом речь в письме А. М. Языкова к Комовскому от 20 марта 1848 г.: «Киреевский хочет попросить, не напечатают ли стихи в „Чтениях“. Может быть, и решатся — дело, кажется, не опасное и не соблазнительное»¹¹².

Наконец 15 мая 1848 г. А. М. Языков сообщает Комовскому, что Бодянский взял для издания духовные стихи Киреевского: «Собрание легенд или стихов, собр<анных> П. Киреевским, некогда бывшее у вас в руках, печатает Бодянский в „Чтениях Исторического общества“ без малейшего выпуска; этим начинается появление в свет труда нашего собирателя песен; за стихами непрерывно пойдут сии последние, и вы увидите, как все это важно и как богата наша народная литература. Меня очень радует возможность, доставленная Обществом Киреевскому, совсем было унывшему. Стихи будут готовы в мае, я их вам пришлю. Общество печатает в пользу сочинителей 300 экз. и потом сколько им угодно экземпляров еще, только уже на их бумаге. Бодянский просто герой и сделает много, чрезвычайно много. Материалов стекается все более и более, издание превращается в журнал, который будет выходить постоянно»¹¹³.

В письмах А. М. Языкова к Комовскому, посланных в июне — июле того же года, высказывается надежда на успех дальнейшей публикации после издания духовных стихов. А. М. Языков намерен вернуться в Симбирск и там вновь заняться собиранием песен.

19 июня 1848 г. Москва.

«Заметили ли вы в 9-й книжке „Чтений Московского общества древностей“ стихи, собранные П. В. Киреевским, вполне напечатанные? — Явление отрадное! За ними последуют песни, и дело пойдет своим чередом, и наша народная литература выступит во всей своей красе и во всем своем обилии. Стихи отдельно я вам доставлю от собирателя».

23 июля 1848 г.

«... „Общество истории и древностей“ сделает много, если пойдет этим шагом и если бог даст здоровье Бодянскому; он просто герой и неустрашимый воитель. Полезно и то, что Стр<оев> остался председателем. Го<рский> ограничил бы эту свободную цензуру! Вы увидите со временем, какое множество песен собрано Киреевским и какое это сокровище литературное! Главное дело, что в них сохранился народный дух и язык, не подверженный моде и временным обстоятельствам: т. е. различным ветрам, на Русь дующим и ее в разные стороны шатающим и мотающим. Нет ли у вас на примете Стихов, кроме напечатанных в „Чтениях“, и нет ли возможности предать тиснению в них же 55 скопческих? Теперь уже легко собирать дальнейшие, и я, возвратясь в Симбирск, опять займусь великим делом собирания песен; кажется, можно еще много открыть, и у меня есть новые источники в виду и под руками. Напишите мне, что вам нужно из изданий Общества, я могу все тотчас доставить. Заметили ли вы, что „Чтения“ будут выходить уже журналом»¹¹⁴.

Надежды Киреевского и Языковых не оправдались. В 1848 г. начинается новое наступление реакции. Царское правительство, напуганное революционными событиями, развернувшимися на Западе, учреждает секретный комитет по делам печати под председательством Д. П. Бутурлина, который учиняет расправу даже над такими изданиями, как «Чтения в Обществе истории и древностей российских». Издание было закрыто в связи с публикацией в нем сочинения Флетчера о России; Бодянский был освобожден от секретарских обязанностей и отстранен от преподавания в Московском университете. Таким образом, третья попытка Киреевского издать Собрание русских народных песен потерпела неудачу. В мрачное

семилетие, наступившее после 1848 г., ни Киреевский, ни его друзья уже ничего не могли сделать для выхода в свет этого труда. И здесь невольно вспоминаются слова Герцена, который, характеризуя это время, писал:

«Поневоле приходилось, как Онегину, завидовать параличу тульского заседателя, уехать в Персию, как Печорин Лермонтова, идти в католики, как настоящий Печерин, или броситься в отчаянное православие, в неистовый славянизм, если нет желания пить запоем, сечь мужиков или играть в карты»¹¹⁵.

Киреевский, как известно из его опубликованной переписки, очень тяжело перенес новую неудачу с изданием песен. Но надо отдать ему должное: он выдержал и это испытание и не пошел по пути тех деятелей фольклористики, которые представляли официальную народность.

В заключение истории с изданием песен Киреевского в 1848 г. приведем еще некоторые факты из переписки А. М. Языкова с В. Д. Комовским.

В письме от 1 декабря 1848 г., посланном из Москвы, А. М. Языков сообщает: «В Историческом обществе, по случаю выхода Строева и Бодянского, выбрали в президенты Черткова, в секретари Беляева. Киреевский условился было с Бодянским печатать в „Чтениях“ русские песни через книжку, т. е. в одной р<усские> п<есни> Киреевского, в другой — малороссийские Бодянского. Полезная ученая деятельность Б<одянского> теперь прекращается, и не знаю, как Киреевский распорядится изданием своего собрания. О Б<одянском>, человеке важном для науки и жертве совершенно невинной, здесь все сожалеют: он был очень полезен и мог бы, кажется, оставаться на своем месте без дальних околичностей»¹¹⁶.

Здесь более подробно, чем в предыдущих письмах, говорится о том, что в «Чтениях...» должны были публиковаться, наряду с русскими песнями Киреевского, также украинские песни. Необходимо отметить, что работа Киреевского над Собранием русских песен в течение всего времени проходила в тесном контакте с деятельностью украинских фольклористов. Связи с украинскими фольклористами устанавливаются у Киреевского еще в начале 1830-х годов благодаря близкому знакомству с Максимовичем. В дальнейшем они расширяются, Собрание Киреевского пополняется записями украинских песен. Среди них были и записи из собрания песен Гоголя.

Из следующего письма А. М. Языкова Комовскому узнаем, что Киреевский и при создавшихся условиях не теряет надежды на публикацию своих материалов: «...П. В. Киреевский здесь; он собирает печатать варианты к Стихам и новые Стихи, им открытые; поспешите прислать мне те, о которых вы говорили, — их можно будет тут же пустить. Даль передал сему почтенному мужу все свое собрание песен. Идут сношения с Историческим обществом о том, станет ли оно печатать в своих „Чтениях“ русские и малороссийские песни, как предполагал Бодянский, или нет? Дело в том, что Киреевскому Бодянский обещал печатать даром по 300 экз. от Общества и еще сколько ему угодно на его собственной бумаге: это очень облегло издание. Прodelкою с Историческим обществом ваш М<уравьев>, кажется, не заслужил благословения потомства и хвалу любителей просвещения!»¹¹⁷

Чрезвычайно интересно письмо Киреевского к Е. И. Елагиной, посланное с нарочным из Москвы 7 апреля 1850 г. В нем содержатся некоторые сведения об издании песен, а главное — удивительно меткое определение жизни дворянской интеллигенции в период николаевского безвременья. Его слова о царящем в Москве оцепенении, убивающем любую живую мысль, о Хомякове и Аксакове, которые «теперь играют в карты!!» — перекликаются с приведенным выше высказыванием Герцена:

«В Москве не происходит ничего особенного, кроме особенного оцепенения, от которого не только ничего не делается, но даже ничего и не говорится живого; даже и Хомяков с Аксаковым теперь играют в карты!! Выручка напечатанных песен нейдет ни из короба, ни в короб, потому что типография ссылается на Историческое общество, а Общество на типографию; и не знаю, как с этим быть; зато Соловьев берется хлопотать в Обществе продолжение печатания. А этому я был бы очень рад.

За сон твой также тебе очень спасибо. Потому что он мне показывает, какое ты обо мне имеешь высокое понятие, что можешь видеть такие сны; а в самом-то деле — увыпечки! Я борец плохой... А твое понятие обо мне, хоть мне пристыдительно, а все-таки ж приятно!»¹¹⁸

О содержании сна Е. И. Елагиной можно только догадываться, так как письмо ее пока не обнаружено. Но здесь важнее ответ Киреевского и вырвавшееся у него грустное признание: «Я борец плохой».

Однако он не падал духом, ему помогали друзья, его поддерживало признание таких же, как он, энтузиастов — собирателей русской песни.

В предыдущем письме А. М. Языкова к Комовскому упоминается о передаче Далем своей коллекции песен Киреевскому. Приведем здесь письмо Даля Киреевскому, не датированное, но, судя по содержанию, относящееся к 1849 или началу 1850 г.:

Многоуважаемый Петр Васильевич!

Говорят — москвичи не охотники до писем, — говорят также, что и ты в особенности не любишь приниматься за перо; прошу не взыскать за назойливость, а я за отпиской: Погодин не отвечает, вы и не думаете написать, а я бы желал знать: получены ли вами наконец песни мои, целая стопа, или нет? Прилагаю еще кое-что, а от вас жду, если отыщутся, сказочек, пословиц, поговорок и слов. Но, пожалуйста, известите, получили ль посылку через Погодина и есть ли что годное?

С большим вниманием и радостным участием прочитал в «Трудах» первую книгу песен. Дай бог вам продолжать так: дай бог также, чтобы все было шито и крыто, чтоб не ударили в набат.

Разборка пословиц и поговорок идет у меня помаленьку — но медленно. Вы знаете, что я их располагаю не по азбучному порядку, а по смыслу и значению; в день не могу я разобрать более *одного* его раздела, а их 150! Теперь начать бы и подумать печатать пословицы без *поправок*, но моя надежда на Бодянского, хочу начать там, где и ваши; может быть, пройдет... Искажать не стану, ни холостить, ни стричь; лучше отложить вовсе до лучших времен.

В стихах ваших я нашел, однако же, для словаря немного, слов 20. Говорят, что песни ваши можно будет получить отдельно; так ли это? Вероятно, когда всё выйдет?

Простите, любезный Петр Васильевич, не поленитесь, соберитесь с духом да напишите — хоть одно словечко: *получил!*

Ваш В. Даль

Вл. Ив. Д<аль>, в доме
Г. Мр. В. И. Даль¹¹⁹

Письмо Даля крайне интересно для истории науки. Во-первых, из него видно, какие трудности приходилось испытывать Далю при подготовке и публикации пословиц. Сопоставляя его слова («искажать не стану» и т. д.) с цензурными мытарствами, которые испытал Киреевский, нетрудно представить себе, какого мужества и преданности любимому делу требовала от фольклористов их работа в условиях правительственной реак-

Ген. А. Перовский. Ген. М. Цюлковский. Полковн. Кузьминский. Офицеръ Орженевъ. Казачья Бойска. Н. В. Ханьковъ. В. И. Даль.

В. И. ДАЛЬ В ХИВИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В. А. ПЕРОВСКОГО

Раскрашенная литография с рисунка неизвестного художника, 1838—1840 годы

Слева направо: В. А. Перовский, генерал М. Цюлковский, полковник Кузьминский, неизвестный офицер, этнограф Н. В. Ханьков, В. И. Даль

Литературный музей, Москва

ции. Во-вторых, письмо Даля содержит ценный материал о творческом общении с Киреевским по вопросам фольклористики. Важны наблюдения Даля над языком духовных стихов, из которых он смог отобрать для своего словаря не более 20 слов. И, наконец, главное, что заключает письмо Даля, — это свидетельство об отсылке им песен Киреевскому.

Надо отметить, что Даль посылал Киреевскому не только свои записи, но и записи своих многочисленных корреспондентов. Очевидно, он делал это и раньше, судя по тому, что в Собрании Киреевского находится ряд ценнейших материалов, полученных в разное время от корреспондентов Даля. Среди них коллекции адмирала Кузьмищева с записями былин из Архангельской губ. и другие.

Любопытна и просьба Даля присылать сказки, пословицы слова. Весьма вероятно, что она была удовлетворена Киреевским, и, таким образом, можно установить, каким путем впоследствии сказки попали в собрание А. Н. Афанасьева. Не останавливаясь подробно на деятельности помощников и корреспондентов Киреевского, отметим лишь, что, начиная с 1840-х годов, количество песен, поступающих в его Собрание, не только не убывало, но, наоборот, все более и более возрастало. Приток их продолжался и после его смерти, когда Собрание перешло в ведение Общества любителей российской словесности при Московском университете. Это говорит о всеобщем признании и поддержке деятельности Киреевского, несмотря на то, что его Собрание не было издано.

Последнее десятилетие жизни Киреевский проводит в Москве, где он имел дом на Остоженке, и в Киреевской Слободке.

Неопубликованная переписка Киреевского этих лет содержит некоторые историко-литературные документы, а также довольно частые, хотя и очень беглые, упоминания о работе над Собранием.

Так, 23 декабря 1850 г. он сообщает Е. И. Елагиной: «Занимался же я почти все время <...> приведением своих песен хоть в некоторый порядок и пробую дать их Маше»¹²⁰.

М. В. Киреевская была первой помощницей брата и в эти годы, а после его смерти подготовила по разработанному им плану рукопись первых трех выпусков песен, изданных Обществом любителей российской словесности. Так же, как и брат, она очень любила русские песни.

В одном из писем к Петру Васильевичу, 10 июля 1850 г., Мария Васильевна писала: «Ехавши из Долбина, мы заехали в Мишенское, вечер был чудесный, мужики пели песни далеко за полночь и хорошо так пели, хором — мы думали о тебе и что тебе бы это было большое наслаждение, как и нам»¹²¹.

Посылая песни для переписки сестре, Киреевский очень заботился об их сохранности. 5 февраля 1851 г. он пишет матери: «Машу прошу усердно беречь мои песни. Взять их с собою в Москву, но поступать с ними не как с какой-то другой поклажей, а помнить, что в этом чемодане ни больше ни меньше как моя судьба»¹²². Эти слова показывают, что Киреевский хорошо понимал значение своего Собрания песен, которому он отдал столько лет жизни.

1 февраля 1853 г. Киреевский, собираясь в Москву, пишет Н. А. Елагину: «Я, слава богу, здоров и сижу за *стихами*, которые стараюсь закончить к отъезду; да еще сам не знаю, удастся ли. А в Москву собираюсь 24-го». 3 июля того же года он сообщает ему же: «В занятиях перехожу от песен к переводу...»¹²³.

В письмах этого же года Киреевский неоднократно упоминает имя И. С. Тургенева, который был хорошо знаком с обоими братьями. Со сланный в Спасское-Лутовиново, Тургенев навещает Киреевского в его имении, о чем 6 марта 1853 г. пишет С. Т. Аксакову: «На днях я был в Орле и оттуда ездил к П. В. Киреевскому — и провел у него часа три. Это человек хрустальной чистоты и прозрачности — его нельзя не полюбить»¹²⁴.

Обращаясь к Аксакову с просьбой написать свое мнение о рассказе «Постоялый двор», Тургенев продолжает: «Я просил также Киреевского сказать мне, что он об этом думает». Отзыв Киреевского о «Постоялом дворе», к сожалению, неизвестен. Весьма возможно, что он был сообщен Тургеневу в личной беседе, так как 3 июля 1853 г. Петр Васильевич пишет брату Николаю: «Киреевские зовут меня к 20-му в Бунино на концерт, однако же я не поеду, а съезжу после, между тем собираюсь съездить к Ивану Сергеевичу Тургеневу, к которому и тебе заглянуть не худо было бы»¹²⁵.

По разным причинам поездки в Спасское-Лутовиново неоднократно откладывалась, и, как видно из письма Тургенева к С. Т. Аксакову, Киреевский побывал у автора «Записок охотника» только осенью.

«На днях, — сообщает Тургенев 6 октября 1853 г., — мы много говорили обо всех вас с П. В. Киреевским, который приезжал ко мне из своей орловской деревни. Что за милый и чистый человек!»¹²⁶ Через несколько лет, узнав о смерти братьев Киреевских, Тургенев пишет Аксакову: «Как мне жаль обоих Киреевских — передать вам не могу»¹²⁷.

Но вернемся к письмам Киреевского. 1856 год начинается для него, по-видимому, обычно: чтение, переводы и продолжающаяся кропотливая работа над песнями. О них идет речь в письме, адресованном Е. И. Елагинной, очевидно предложившей Киреевскому свою помощь в переписке песен. 14 января 1856 г. он отвечает ей: «Спасибо тебе, друг Катя, за твое предложение о песнях. Я его принимаю с великой благодарностью и при случае тебе это доставлю, только с тем условием, чтобы ты себя ими не слишком замучивала и не принуждала себя дописывать, если будет слишком скучно»¹²⁸.

ЗАПИСКИ

ОБЪ

УЖЕНЬЕ.

*Петру Васильевичу**Киреевскому**С. Т. Аксакову*

Деду время, и потехе часъ.
Изъ книги: «Уставъ Сокольника
Пути», писанной Царемъ
Александромъ Михайловичемъ.

Охоту тешить — не бяду платить.
Охота пуше ниволи.

Речею писанномъ.

МОСКВА.

въ типографіи Николая Степанова.
1847.

«ЗАПИСКИ ОБ УЖЕНЬЕ» С. Т. АКСАКОВА (М., 1847) С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ:

«Петру Васильевичу Киреевскому от сочинителя»

Титульный лист и форзац

Музей И. С. Тургенева, Орел

Видимо, надежда издать Собрание не покидает Киреевского, а может быть, даже возрождается в связи со смертью Николая I и некоторыми цензурными послаблениями, характерными для начала царствования Александра II. Так, в этом же письме Петр Васильевич сообщает Е. И. Елагиной: «Хомяков и все прочие получили разрешение писать, и Смирнова <вероятно, А. О. Смирнова-Россет.— П., С.> звала его в Петербург, чтобы он приезжал небритый, немытый и нечесанный и все-таки будет представлен императрице. Теперь он там и, говорят, надеется возвратиться с правом носить русское платье»¹²⁹.

До конца своих дней, несмотря на участвовавшие приступы болезни, Киреевский много работает и живет напряженной духовной жизнью. Деля свое время между песнями, переводами и занятиями историей, он по-прежнему интересуется наиболее острыми проблемами русской жизни того времени. Будучи врагом крепостного права, Киреевский в одном из писем к матери с удовлетворением сообщает о том, что ходят «слухи об эмансипации». Считая освобождение крестьян «самой вопиющей потребностью», он собирается «подать на выборах голос в эту сторону»¹³⁰.

Заслуживает внимания и краткое сообщение Киреевского в цитированном выше письме к Е. И. Елагиной о том, что «Мяколушка», то есть Н. А. Елагин, «был<...> у Нарышкина, который уверен, что на проще-

ние есть надежда». Здесь, конечно, идет речь о «прощении» декабристов. Несмотря на все попытки Николая I изгладить всякий след из памяти русского общества о сибирских изгнанниках, передовые люди того времени помнили и ждали их. Ждали и в семье Киреевских — Елагиных.

«От души поздравляю вас с доброй вестью о близком возврате нашего мученика», — пишет Киреевский матери в одном из последних, а может быть, и в последнем письме от 16 августа 1856 г.¹³¹ Радуясь вместе с ней предстоящему возвращению из ссылки друга семьи — декабриста Г. С. Батенькова, он продолжает: «Дай-то бог, чтобы это исполнилось как можно скорее. Очень будет отрадно его присутствие».

Летом 1856 г. Киреевский, похоронив брата, Ивана Васильевича, тяжело заболел. У него начался приступ болезни, которая мучила его га протяжении многих лет. Опасаясь за свою жизнь, Петр Васильевич вызвал к себе брата, Василия Алексеевича Елагина, который приехал к нему вместе с женой, Е. И. Елагиной.

О последних днях жизни Киреевского сохранилось несколько документов: письма родных, П. И. Якушкина, И. В. Павлова, посещавшего его во время болезни, и записки В. А. Елагина. Приводим выдержки из письма Павлова к его приятелю А. И. Малышеву; оно не датировано, но написано, по-видимому, вскоре после смерти Киреевского. Павлов, принимавший деятельное участие в общественной и литературной борьбе, знавший Герцена, Салтыкова-Щедрина (его товарища по Дворянскому институту и Лицею), пытается охарактеризовать Киреевского как человека и мыслителя. В этом отношении письмо Павлова заслуживает внимания, однако нельзя во всем согласиться с ним, особенно в оценке родных Киреевского, которая носит субъективный характер. Павлов писал:

«Ну-с, славянофилы все консеквентные немцы, тупоумные вольфы... Лейбником же был у них человек необыкновенный, малоизвестный в печати... человек, который был моим другом и наставником... Октября 26 дня его не стало! Уходила его, в моих глазах, уходила его отвратительная славянофильская семья... Ты, конечно, догадываешься, что я говорю о Петре Васильевиче Киреевском. Знаешь, Андрюша, каково я чадушко? И что значит иметь на меня влияние?.. И на меня — мужа развитого и укоренившегося — Петр Васильевич имел страшное влияние! Нравственное обаяние этого человека было неописанно... Пятна не было на душе его. Несмотря на его великую ученость, он был *непритворно* скромн, как красная девка. Зла в живом человеке он решительно понимать не мог. Всякий дурак мог его надуть наглйшим образом! Ненависть в нем только была к принципам и к правительству. Несмотря на свой глубокий, можно сказать, артистически тонкий ум, он был совершенное дитя. А что любви, что правды было в этом человеке!<...>

У него есть старуха мать, умнеющая баба, какую я когда-либо видал... Это Авдотья Петровна Елагина, о которой ты, конечно, слышал от Грановского. Но женщина она без сердца и крайне несимпатичная. Была еще при нем сестра, бестолковая богомолка, два брата Елагиных, добрые и умные ребята, но совершенные дети, особенно старший Василий, женатый на немке... „О старец! Гроб передо мною!“ Как я ненавижу эту поганую тварь!.. Она, вот видишь, Эмеранс (Помнишь, Эмеранс Шантеле Сарафан в повести Тургенева „Два приятеля“?). Пленительная, услужливая Эмеранс, которая в семействе разыгрывает и Марфу и Марию... Она-то ходила за больным, и ей-то по детской доброте он вверился все-совершенно! Приглашен был здешний немец, инспектор управы, добрый, хотя и надутый, дурак. Приехал я, вижу, страшная чепуха. Говорю откровенно. Немка страшно обижается, поддуцает мне колкости. Ей

ВИД С ХОЛМА, НА КОТОРОМ НАХОДИЛАСЬ «КИРЕЕВСКАЯ СЛОБОДКА» —
УСАДЬБА П. В. КИРЕЕВСКОГО

В этой усадьбе, расположенной близ Орла, Киреевский жил с 1837 по 1856 год до самой своей смерти. Усадьба не сохранилась

Фотография А. Д. Соймонова, 1956

все верят. Я к немцу-инспектору. Говорю, вот и вот, что надо делать. Он соглашается. Но назначенное мной лекарство дают через два дня и в *десять раз меньшей дозе* (à la lettre *). Вскоре печальный исход и был очевиден... Я братьям предсказываю смерть. Обижаются, потому что немец обнадежил. Неприятности. Я перестаю ездить. Дикий Якушкин — ты помнишь его? — он страстно любил Петра Васильевича. Приезжает к ним от меня и начинает ругаться! „Павлов-де вот что говорит, вы его морите“. Марфа-Мария, несмотря на свою немецкую глупость, хитра. Она то умела Якушкину на меня наговорить, что он на меня разъярился и, как резиновый мячик, отскочил от немки прямо ко мне... Чуть на дуэль меня не вызывает... Я ему сказал дурака и объяснил в чем дело. По личному желанию больного я опять к нему стал ездить. Эмеранс пустилась было в объяснения. Много мне стоило труда, чтобы ее не оттащить... Через несколько дней больной умер. Медицинских советов я уже не давал, но умолял братьев дать ему подписать духовную, чего он страстно желал и по временам метался и кричал на весь дом: „Сжальтесь, дайте подписать духовную!“ Эмеранс всех уверила, что это его расстроит, так и не дали. Они по нем не наследники: у Ивана Васильевича остались сыновья; тут своекорыстия не было — одна глупость и немецкий патриотизм. Нужно тебе сказать, что за год до этого у Петра Васильевича умер управляющий, которого он очень любил, после управляющего осталась жена. Она была полной и очень распорядительной хозяйкой. Петр Ва-

* буквально (франц.).

сильевич ни во что не вмешивался, кроме лесоводства, в котором был великий знаток. Он уважал эту женщину и хотел ее обеспечить. Эмеранс за это ее возненавидела! Мало того, что не дала подписать духовную, где бедной женщине оставлялся кусок хлеба; она ее гнала, на каждом шагу попрекала ее приживальством, делала ей тысячи неприятностей... и — что всего ужасней — все это делалось так, что Петр Васильевич все слышал, все знал — и мучился! Прогнать Эмеранс он не мог, а духовной подписать ему не давали... Можно ли придумать более страшную попытку для умирающего человека, который весь был доброта и деликатность?..»¹³²

Либерально настроенному Павлову, будущему редактору «Московского вестника», претила среда, окружавшая Киреевского. Елагины — Киреевские были типичными представителями той части дворянства с его патриархальным укладом, которая доживала свой век. Особенно характерно отношение Павлова к А. П. Елагиной, занявшей в эти годы враждебную позицию к передовому общественному движению. Именно она сыграла немалую роль в том, что после смерти Киреевского его Собрание песен было взято у фольклориста-демократа П. И. Якушкина и передано в руки Погодина и Бессонова, принадлежавших к наиболее реакционным кругам официальной народности.

Многие обвинения Павлова, высказанные им в адрес родственников Киреевского, в особенности касающиеся методов лечения больного, теперь невозможно проверить. Но письмо интересно тем, что в какой-то мере воссоздает напряженную обстановку последних месяцев жизни Киреевского.

Чтобы составить более полное представление о том, что происходило тогда в Киреевской Слободке, приводим выдержки из письма В. А. Елагина к И. С. Аксакову, а также из его записок, которые он вел во время пребывания с больным.

В письме к Аксакову Елагин сообщал о Киреевском: «В ночь на 20 августа он вдруг почувствовал страшную боль в печени. 20-го написал имена людей, которых ради бога просил освободить, хотел было послать за мною именно для того, чтобы сделать меня душеприкащиком и написать завещание. Но не хотел испугать, сам написал письмо к моей жене, в котором просил прислать меня, когда я съезжу на именины к брату Николаю, чтобы я мог читать ему громко, потому что „сам он опять несколько расклеился“. Рука была такая ужасная, что жена отравила нарочного осведомиться и между тем собралась бросить больного сына и скакать в Слободку на дрожках (лошадей для большого экипажа пока не было). Судьба так устроила, чтобы именно в этот день я уехал в Петрищево еще за два дня до именин брата. Между тем больной бегал по комнате от боли, не мог даже сидеть, пока не выбился из сил и не упал на постель, где спал. 24 августа вечером, воротившись в 11 часов ночи в Бунино, я не нашел дома жены, насилу отыскал к часу ночи свежих лошадей и от темноты поспел в Слободку только к 5 часам утра, *ровно за два месяца* до его последнего часа. Я нашел его в маленьком кабинете, узнал, что в ночь ему приставили 20 пиявок и что боль утихла немного, по крайней мере, позволила лежать. Я нашел его желтым, как лимон»¹³³.

Дневник В. А. Елагина сохранился в виде нескольких черновых записей и начала белой рукописи, озаглавленной: «Воспоминания о последних днях жизни П. В. Киреевского». Первая запись относится к приезду В. А. Елагина в Киреевскую Слободку.

25 августа. Я приехал в субботу в пятом часу утра. После обеда был Майдель¹³⁴, а когда он уехал, Петр в первый раз сказал мне, что ему нужно сделать завещание, что он начал о нем думать после смерти брата Ива-

на, что меня назначает душеприказчиком, чтобы я этого вовсе не пугался, что это только долгая речь, что будем говорить, пожалуй, целый год и все устраивается только из предосторожности, на всякий случай. «Эту болезнь я не считаю смертельною...». Меня это, однако, встревожило, а вышедши от него, я узнал, что он меня ждал нетерпеливо, что для этого послал за мною в Бунино. Вечером он еще говорил о духовном завещании и Кате и, между прочим, просил ее меня успокоить. «Завещание не имеет связи с теперешнею моею болезнью. Я начал о нем думать с самой смерти брата». Ему только нужно поговорить о нем со мною. Разговора этого я старался, однако ж, не возобновлять. Целые 22 дня видел я его беспрестанно и часто был с ним наедине целые часы. Сам он не начинал речи, хотя было ясно, что его что-то очень заботит: «Задорные мысли не дали заснуть», — говорил он иногда. «Теперь у меня свежа голова; пожалуйста, не опоздайте. Мне нужно многим распорядиться». Доктор обещал как христианин предупредить его, когда будет нужно, когда будет опасность.

7 сентября. Воскресенье. Поутру он опять попросил читать ему громко Маколея, начиная с того места, где он остановился: «Как это любопытно!» Много говорил о книгах, о переводах, о своих планах. «Книги, книги! Как они меня занимали и теперь как еще занимают!» Вдруг перед обедом прршпадок глухоты прервал чтение, смертельно огорчил его. Лихорадки не было, но слабость заметно увеличилась от горя.

⟨...⟩ В половине сентября ему стало гораздо хуже. 21-го Павлов объявил, что он опасен. 22-го Майдель требовал консультации, сказал об этом самому больному.

23 сентября Иван Филиппович приехал вечером и сказал нам: «Напрасно вы не даете ему высказаться. Это его успокоит, а если начнет он сам, поддержите разговор о завещании. Ведь и без того о нем думает, и это ему мучительно. Теперь он не в состоянии распорядиться ничем, но это пройдет, ему будет лучше, и тогда говорите с ним о завещании и кончите это дело».

⟨...⟩ Получен был ответ из Оптина¹³⁶, о чем я тогда же сказал ему. До среды 26-го мы не решались прочесть самого письма, боялись все, кроме Маши, что приготовления к *последней* исповеди его истощат. Майдель говорил, что он боится, однако, совершенного падения сил. Лучше не было. В среду 26-го рано поутру Маша начала говорить об оптинском письме и завещании, я прочел его Петру. Он сказал: «Готов последовать совету старцев». Заметно было, что он огорчился, понявши опасность. Я просил доктора успокоить его.

Майдель долго молчал, сидел перед ним с унылым лицом и потом сказал: «Петр Васильевич. Я обещал наперед сказать вам, когда вам *нужно* будет заняться вашими делами. Теперь время настало. Кончите это дело, чтобы быть покойным». Петр понял все, пожал ему руку, благодарил за исполнение обещания и сказал, что ему это очень нужно, а мне прибавил: «Времени у меня] мало для разговора, а на душе куда как *много*».

⟨...⟩ Тогда же он мне сказал: «Вся сила моего движимого имения в моих бумагах и книгах. Я их завещаю тебе»¹³⁶.

Умер Киреевский 25 октября 1856 г. и был похоронен рядом с братом Иваном на кладбище Оптинского монастыря, недалеко от г. Козельска. Имущество и имение его было завещано семье брата Ивана Васильевича. Часть крепостных перед смертью Киреевский отпустил на волю.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ А за до вс к и й. История русской фольклористики, т. I, стр. 328.
- ² Тол ы ч о в а. Рассказы и анекдоты. — «Русский архив», 1877, № 7, стр. 361.
- ³ А. П е т е р с о н. Черты старинного дворянского быта. — «Русский архив», 1877, № 8, стр. 479—480. Автором этих воспоминаний является Александр Петерсон, побочный сын П. Н. Юшкова — отца А. П. Киреевской.
- ⁴ ЛБ, архив В. А. Жуковского, ф. 104, к. VII, ед. хр. 13.
- ⁵ *Алексей Сергеевич* — очевидно, А. С. Бунин.
- ⁶ *Мишенское* — имение Жуковского; *Володьково* — имение Черкасовых; *Черть* — имение Плещеевых.
- ⁷ ЛБ, ф. 104, к. VII, ед. хр. 16.
- ⁸ Там же, ед. хр. 17.
- ⁹ «Уткинский сборник. I. Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой». Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1904.
- ¹⁰ ЛБ, ф. 104, к. VII, ед. хр. 17.
- ¹¹ Там же, ед. хр. 20.
- ¹² «Подлинные черты из жизни В. А. Жуковского». — «Русский архив», 1864, № 4, стр. 468—469.
- ¹³ «Уткинский сборник», стр. 19.
- ¹⁴ ЛБ, ф. 104, к. VII, ед. хр. 20.
- ¹⁵ ЦГАЛИ, ф. 236, оп. 1, ед. хр. 495.
- ¹⁶ См. об этом С о й м о н о в, стр. 143—153.
- ¹⁷ ЛБ, ф. 104, к. VII, ед. хр. 20.
- ¹⁸ ЦГАЛИ, ф. 138, оп. 1, ед. хр. 107. Копия, машинопись. — Елагина цитирует четверостишие Мерзлякова, по-видимому, на память. В публикациях оно читается несколько иначе (А. Ф. Мерзляков. Стихотворения. М., 1867, стр. 597).
- ¹⁹ Дневник Ивана Михайловича Снегирева. I. 1822—1852. С предисл. А. А. Титова. М., 1904, стр. 54.
- ²⁰ Там же, стр. 13.
- ²¹ ЛБ, ф. 99, п. 8, ед. хр. 9.
- ²² <Н. П. Колупанов.> Биография А. И. Кошелева, т. I, кн. 2. М., 1889, стр. 28—29.
- ²³ В. К. Кюхельбекер. О направлении нашей поэзии, особенно лирической в последнее десятилетие. — «Мнемозина», 1824, ч. II, стр. 40.
- ²⁴ Б а й р о н. Вапир. Перевод П. Киреевского. М., 1828. К а л ь д е р о н. Трудно стеречь дом о двух дверях. День первый. Перевод П. В. Киреевского. — «Московский вестник», 1828, № 19—20, стр. 233—270. Переводы Шекспира остались не опубликованными, рукопись утрачена.
- ²⁵ ЛБ, ф. 99, п. 8, ед. хр. 15.
- ²⁶ Там же, ед. хр. 17.
- ²⁷ «Русские Прописки», т. I. М., 1915, стр. 160.
- ²⁸ ЛБ, ф. 104, к. VII, ед. хр. 29, л. 76.
- ²⁹ ЦГАЛИ, ф. 236, оп. 1, ед. хр. 495.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² ЛБ, ф. 104, к. VII, ед. хр. 31.
- ³³ Там же, ф. 99, к. 11, ед. хр. 19.
- ³⁴ «Русский архив», 1905, № 5, стр. 114—115, 131.
- ³⁵ ЛБ, ф. 99, к. 8, ед. хр. 15.
- ³⁶ «Голос минувшего», 1914, № 7, стр. 216.
- ³⁷ ЛБ, ф. 99, к. 21, ед. хр. 54—55.
- ³⁸ ЦГАЛИ, ф. 236, оп. 1, ед. хр. 478.
- ³⁹ П. В. К и р е е в с к и й. <Изложение курса ново-греческой литературы, изданного по-французски в Женеве в 1827 году Ризо Нерулосом.> — «Московский вестник», 1827, № 13, стр. 85—103; № 15, стр. 284—304.
- ⁴⁰ П. В. К и р е е в с к и й. Современное состояние Испании. — «Европеец», 1832, № 2, стр. 221—227.
- ⁴¹ ЛБ, ф. 99, п. 1, ед. хр. 16.
- ⁴² С о й м о н о в, стр. 149.
- ⁴³ Там же, стр. 150.
- ⁴⁴ ЛБ, ф. 104, к. VII, ед. хр. 35.
- ⁴⁵ Там же, ф. 99, п. 8, ед. хр. 9.
- ⁴⁶ Н. П. П а в л о в. Русские писатели в нашем крае. Калинин, 1956, стр. 31—34.
- ⁴⁷ ЛБ, ф. 99, п. 9, ед. хр. 19.
- ⁴⁸ «Денница». М., 1834, стр. 153—167.
- ⁴⁹ Переписка Н. В. Станкевича. 1830—1840. Ред. и изд. А. Станкевича. М., 1914, стр. 268 (из письма к Я. М. Неверову от 15 декабря 1833 г.).
- ⁵⁰ «Московский телеграф», 1834, № 2, стр. 335—338.
- ⁵¹ ЛБ, ф. 125, п. 50, л. 1711.

⁵² Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым в 1851—1860 годах. Вступ. статья и прим. М. Ц я в л о в с к о г о. М., 1925, стр. 52—53.

⁵³ ЦГАЛИ, ф. 236, оп. 1, ед. хр. 80.

⁵⁴ ЛБ, ф. 99, п. 7, ед. хр. 60.

⁵⁵ ИРЛИ, архив Языковых, ф. 348, 19.4.53.

⁵⁶ ЦГАЛИ, ф. 236, оп. 1, ед. хр. 80.

⁵⁷ Там же. — Имение Киреевского не сохранилось, осталось несколько старых лип, посаженных им. Деревня Киреевская Слободка была перенесена наследниками Киреевского в другое место. Об этом существуют предания среди местных жителей.

⁵⁸ ЛБ, ф. 99, п. 7, ед. хр. 62.

⁵⁹ Там же, п. 8, ед. хр. 16.

⁶⁰ Там же, п. 7, ед. хр. 58.

⁶¹ Там же, ф. 125, п. 44.

⁶² Там же, п. 26 и 27.

⁶³ ИРЛИ, ф. 348, 19.4.104, № 134.

⁶⁴ Письма Киреевского к Языкову, стр. 64.

⁶⁵ П у ш к и н, т. XI, стр. 258. — В сочинениях и переписке Пушкина неоднократно встречается упоминание стиха «Об Алексее божьем человеке», который он называет то стихом, то народной песнью, то легендой (см. П у ш к и н, т. XI, стр. 234; т. XII, стр. 37; т. XVI, стр. 105, 122).

⁶⁶ «Симбирские губ. ведомости», 1838, 14 апреля, Прибавления, № 14. Частные извещения.

⁶⁷ «Симбирский сборник», т. I. М., 1845.

⁶⁸ ИРЛИ, ф. 348, 19.4.104, № 131.

⁶⁹ Там же, № 133.

⁷⁰ Там же, № 134.

⁷¹ Там же, № 136.

⁷² Там же, № 139.

⁷³ Там же, № 140.

⁷⁴ Там же, 19.4.92.

⁷⁵ ЛБ, ф. 99, п. 8, ед. хр. 16.

⁷⁶ ИРЛИ, ф. 348, 19.4.92.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ ЦГАЛИ, ф. 236, оп. 1, ед. хр. 67.

⁸⁰ ЛБ, ф. 99, п. 8, ед. хр. 11.

⁸¹ Там же, ед. хр. 59. — *«Абвега русских суеверий»* — книга Чулкова (1786).

⁸² Там же.

⁸³ А з а д о в с к и й. История русской фольклористики, т. II, стр. 330—331.

⁸⁴ «Чтения», стр. II—III.

⁸⁵ Там же, стр. VII.

⁸⁶ ИРЛИ, ф. 348, 19.4.92.

⁸⁷ Там же, 19.4.104, № 153.

⁸⁸ ЛБ, ф. 99, п. 8, ед. хр. 11.

Следует иметь в виду, что во времена Киреевского не было современного четкого жанрового деления произведений народного творчества. Термином «песни» часто обозначали не только лирические и обрядовые песни, но и исторические песни и духовные стихи. См. также прим. 65.

⁸⁹ ИРЛИ, ф. 348, 19.4.104, № 161.

⁹⁰ ЛБ, ф. 99, п. 119-6, ед. хр. 121.

⁹¹ Г е р ц е н, т. IX, стр. 156.

⁹² ЛБ, ф. 99, п. 15, ед. хр. 40.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же, ед. хр. 169.

⁹⁶ ИРЛИ, ф. 348, 19.4.24.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ ЛБ, ф. 99, п. 15, ед. хр. 202—203.

¹⁰⁰ Г е р ц е н, т. II, стр. 403.

¹⁰¹ Там же, стр. 406.

¹⁰² Г е р ц е н, т. IX, стр. 161—162.

¹⁰³ Г е р ц е н, т. II, стр. 397.

¹⁰⁴ ИРЛИ, ф. 348, 19.4.104, № 168.

¹⁰⁵ Там же, № 169—171.

¹⁰⁶ ЛБ, ф. 99, п. 10, ед. хр. 3.

¹⁰⁷ ИРЛИ, ф. 348, 19.4.28.

¹⁰⁸ Там же, 19.4.104, № 175.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же, 19.4.122, № 175.

- ¹¹¹ ИРЛИ, ф. 348, 19.4.104, № 203.
¹¹² Там же, № 204.
¹¹³ Там же, № 208.
¹¹⁴ Там же, № 210, 212.
¹¹⁵ Г е р ц е н, т. IX, стр. 162.
¹¹⁶ ИРЛИ, ф. 348, 19.4.104, № 217.
¹¹⁷ Там же, № 218.
¹¹⁸ ЛБ, ф. 99, п. 8, ед. хр. 14.
¹¹⁹ Там же, п. 4, ед. хр. 21.
¹²⁰ Там же, п. 8, ед. хр. 14.
¹²¹ Там же, п. 7, ед. хр. 9.
¹²² Там же, п. 8, ед. хр. 3.
¹²³ Там же, ед. хр. 13.
¹²⁴ И. С. Т у р г е н е в. Полн. собр. соч. Письма, т. II. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 130—131.
¹²⁵ ЛБ, ф. 99, п. 8, ед. хр. 13.
¹²⁶ И. С. Т у р г е н е в. Указ. изд., т. II, стр. 185.
¹²⁷ И. С. Т у р г е н е в. Указ. изд., т. III, стр. 69 (письмо из Парижа от 27 декабря 1856/8 января 1857 г.).
¹²⁸ ЛБ, ф. 99, п. 8, ед. хр. 8.
¹²⁹ Там же.
¹³⁰ Там же, ед. хр. 6.
¹³¹ Там же.
¹³² ЛБ, М. 8223/8, лл. 19—21. —Дата смерти Киреевского указана не точно.
¹³³ Там же, ф. 99, п. 4, ед. хр. 51.
¹³⁴ *Майдель* — врач, лечивший Киреевского.
¹³⁵ Речь идет о Козельской Оптиной пустыни.
¹³⁶ ЛБ, ф. 99, п. 13, ед. хр. 30.